

Деревосцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

№ 3 (13)
2002

Первоцвет

№ 3 (13) 2002

Литературно-художественный альманах для юношества

Основан в 1998 году

Учредитель

Областная юношеская библиотека
им. И.П. Уткина

Главный редактор

Анна Стародубцева

Редколлегия

Лидия Середкина
Александр Лаптев
Александр Попов
Лина Иоффе
Светлана Зубакова

Обложка

Сергей Элоян

Рисунки в тексте

Денис Серков
Анжела Кобякова

Компьютерная верстка

Нина Мазутова

Адрес редакции:

664011, г.Иркутск, ул. Чехова, 10

тел. 27-07-93, 20-43-01

E-mail: redaktor@youlib.irk.ru

Государственное учреждение культуры
Областная юношеская библиотека
им. И.П.Уткина
Организационно-методический отдел
664011, г.Иркутск, ул.Чехова,10

В номере

СТРАНА ПОЭЗИИ

<i>Александр Бутько</i>	3
<i>Евгения Жарикова</i>	4
<i>Евгения Рукосуева</i>	5
<i>Валентина Литвинцева</i>	6
<i>Татьяна Ефимова</i>	7
<i>Евгения Антонова</i>	8
<i>Росина Валёшина</i>	9
<i>Екатерина Московских</i>	10
<i>Екатерина Лангольф</i>	25
<i>Александр Мельников</i>	28
<i>Екатерина Гончарова</i>	32
<i>Василий Мотоев</i>	34
<i>Сергей Перфильев</i>	35
<i>Сергей Колин</i>	35
<i>Евгения Шикужева</i>	37
<i>Игорь Клошар</i>	64
<i>Алла Авдеева</i>	66
<i>Анастасия Дмитриева</i>	67
<i>Татьяна Иванова</i>	69
<i>Виктория Лю-Шин-Шин</i>	69
<i>Климентий Олзоев</i>	71
<i>Татьяна Якубовская</i>	71

МИР ПРОЗЫ

<i>Жанна Райгородская. Миротворец</i>	11
<i>Елена Ефимова. Уроки ненависти</i>	17
<i>Лидия Ширяева. Рыжая</i>	50
<i>Екатерина Козлова. Аделина и Нелли</i>	51

ПЕРЕВОДЫ

<i>Надежда Буторина</i>	49
-------------------------------	----

ПОДМОСТКИ

<i>Александр Невзоров. Дорога в Назарет</i>	39
---	----

ГАЛЕРЕЯ

<i>Татьяна Громыко. Аура творчества</i>	42
<i>Дарья Сеньковская. Переплетение пространств</i>	42

ГОСТИНАЯ

<i>Александра Герусова</i>	46
<i>Наталья Маякова</i>	46
<i>Евгения Скарднева</i>	48

ЗОЛОТОЙ ФОНД

<i>Александр Вампилов. Финский нож и персидская сирень</i> ...	72
--	----

Страна поэзии

Стефановичем

№ 3 (13) 2002

Первую страницу рубрики «Страна поэзии» мы предоставляем дипломантам конкурса-фестиваля юных авторов «Жемчужина Братска-2002», который под девизом «Новому веку — новые таланты» состоялся весной этого года.

Александр Бутько

*Гран-при фестиваля «Жемчужина Братска-2002»,
клуб «Братские роднички», руководитель В.В. Корнилов*

* * *

Д. С.

Ты лишь взгляни — какая красота!!!
Под фонарями веточки куста,
Облепленные выпавшим снежком,
Вдруг белоснежным стали камышом.

А месяц ныне заревом обьят...
И сказочно оснеженных палат
Не веселит улыбкою своей,
Как многоликий звездный чародей.

Безвучно дремлет городской квартал,
Где каждый житель от забот устал,
Но перед этой сказкою ночной
Мне жаль, что ты безрадостна со мной.

* * *

Тонкий месяц в шубейке песцовой
Покатился за дальний отрог,
Где бочонками с брагой медовой
Он усталил сырой погребок.

А потом из каморки сокрытой
Пять ночей не показывал лик,
И судачили звезды сердито:
«Загулял окаянный старик!»

Евгения Жарикова

диплом I степени фестиваля «Жемчужина Братска-2002»

ОСЕНЬ

Кто-то к солнцу приколот усталость,
И поэтому так холодно всем стало,
А потом и осень наступила,
И цветы завяли возле дома.
И ничто не греет в этом мире,
Все живут картофелем в мундире.
Все живут и плачут о прошедшем,
О давно и некогда умершем.
Улыбнитесь люди — потеплеет,
И растает все от доброты.
Человек быть солнцем не умеет,
Но согреть другого сможешь ты.

ЗИМА

Солнце хлопало в ладошки,
Но была зима, зима.
Грели кошки понемножку
Льдом покрытые дома...

Обнимались все березы
Не от ласки и любви.
Обнимались, чтобы слезы
Душу нам не обожгли.

Спят комком на ветках птицы,
Тихо зябнут на ветру.
И в ознобе птицам снится
Дождь в июльскую жару.

ПАДАЮ

Падаю,
Падаю,
Падаю,
Падаю
Летним дождем на большие зонты.
Грустно закрасю улыбку помадою,
Сердце свое упакую в бинты.

Жить серым облаком, ливнем непрошеным.
Стоит ли?

Стоит ли?

Надо ли?

Надо ли?

Снова, как мяч, в небеса буду брошена,
Падаю,

Падаю,

Падаю,

Падаю.

* * *

В твоих глазах не слезы, а роса.
И на лице цветом распустится улыбка.
Ты рассмеешься, станут небеса
Играть влюбленным на прекрасной скрипке.

Пусть волосы, как волны, потекут
По ветру сладким запахом сирени.
Пойдем встречать рассвет на тихий пруд
И встанем перед утром на колени.

Евгения Рукосуева

*диплом I степени фестиваля «Жемчужина Братска-2002»,
клуб «Братские роднички», руководитель В.В. Корнилов*

БАБЬЕ ЛЕТО

Ярко-желтые листочки,
Как волшебное число,
В эти чудные денечки
Бабье лето принесло.
Охрой выкрасил дорожку
Всюду рыжий листопад,
Вновь сижу я у окошка,
Вспоминая летний сад.
Где с тобою мы бродили
В царстве летней красоты,
Где старушки нам дарили
Свои дивные цветы.
А еще я не забыла,
Как ходили мы в кино.
Это все недавно было,
А мне кажется — давно.

Сирена поет

СЧИТАЛКА

Рад и два, и три, четыре:
Кто живет в моей квартире?..
Папа, мама, я, сестра,
Есть помельче детвора.
Всех могу я посчитать:
Раз, два, три, четыре, пять.
...Стасик, Леся и Наташа —
это все семейство наше.
Есть Никита и Федот —
Близнецы — им третий год.
Всем им нет еще пяти —
Долго им до нас расти.
Мне легко семью считать:
В школе я учусь на «пять».

Валентина Литвинцева

*диплом I степени фестиваля «Жемчужина Братска-2002»
гимназия № 1 г. Братска, преподаватель Т.Ф. Чемезова*

ХОЧЕТСЯ НЕЖНОСТИ

Хочется верности.
Верности хочется.
Чтобы забыть всю печаль одиночества.
Чтобы осталась любовь, а не ненависть.
Верности хочется.
Хочется верности.

Хочется ревности.
Ревности хочется.
Дружбы с унылой луной-полуночницей,
Чтобы, любя, ревновали, как в древности.
Ревности хочется.
Хочется ревности.

Хочется нежности.
Нежности хочется.
Чтобы забыть неудачи все дочиста —
Чтобы исправить грехи и погрешности.
Нежности хочется.
Хочется нежности.

ОСКОЛКИ

А сколько их, а сколько их, а сколько
Ношу с собою, в памяти храня,
Воспоминаний радужных осколков.
А у осколков — острые края...

И склеиваю, склеиваю снова.
Осколок за осколком, к краю край.
Осколки рассыпаются со звоном.
Не держатся, как их ни собирай.

Ну сколько их, ну сколько их, ну сколько!
Зря я ношу их, бережно храня.
Осколками останутся осколки.
А у осколков — острые края.

* * *

С годами мы взрослеем, говорят.
Но раз в году — какое уж взросленье.
Когда капли третий день подряд,
Когда в ушах сплошное птичье пенье, —
К нам детство возвращается назад.

С годами мы взрослеем, говорят.
А тут живем, махнув на все рукою.
И только иногда туманит взгляд
Далекой, непонятною тоскою —
К нам детство возвращается назад.

С годами мы взрослеем, говорят.
Взрослеем и стареем, черт возьми.
И виноват, наверно, рыжий март.
Что раз в году становимся детьми.
Что детство возвращается назад.

Татьяна Ефимова

*диплом II степени фестиваля «Жемчужина Братска-2002»,
клуб «Братские роднички», руководитель В.В. Корнилов*

О СИБИРИ

Вековые здесь пихты и ели
И нечесаный бурелом,
Здесь метели поют, как свирели,
Словно лешие под окном.

Здесь купцы торговали лесом,
Мехом соболя и песцом,
И рождались краса-невесты,
Сибирячки с румяным лицом.

Здесь огромные сосны и кедры
Подпирают небесную высь,
Горизонты и километры
С необъятностью здесь сошлись.

ПИСЬМО К ЛЮБИМОМУ

Тоской моя душа томится.
Разлуки нашей долгод путь.
Но чувств не буду я стыдиться —
В любви моей уверен будь!

Пусть нет со мной тебя, мой нежный,
И с каждым днем грустнее сны.
В калейдоскопе дней безбрежных
Живу весной, но вне весны.

...И письма редкие читая,
С твоей душой сливаюсь я:
В них чувств мелодия святая
Роднит нас с миром бытия.

Евгения Антонова

диплом II степени фестиваля «Жемчужина Братска-2002»

* * *

Упал кленовый лист
Прямо на тротуар.
Растоптали мечту.

* * *

Зеркало отражает
И живое, и неживое.
Это его работа.

***

Маленький ребенок
Тронул кактус.
И обиделся на весь мир.

***

Мне жарко — я терплю.
Мне стыдно — я молчу.
Мне горько — не рыдаю.
Мне скучно — сочиняю.

ФОНАРЬ

Потух фонарь...
А почему?
И что не нравится ему?
Быть может, он плохое видел?
Как кто-то что-то ненавидел,
Как мальчик девочку обидел,
Как человек добра не видел?

Росина Валёшина

диплом II степени фестиваля «Жемчужина Братска-2002»

***

В небе, как искры, звезды блещут,
Море синее, люди все спят.
Только Лукерья, кошка моя,
Смотрит на отсветы от фонаря,
Лапкою трогает видимый блик,
Словно пылинку невидимый лик,
Луша, Лукерья, хватит играть!
Даже котяткам нужно поспать.
Ты покиваешь, сладко зевнешь,
Лапки помоешь, хвостик лизнешь,
И рядом с лучиком, что на окне,
Ты повстречаешься с мамой во сне.

Росина Валёшина

Екатерина Московских

диплом III степени фестиваля «Жемчужина Братска-2002»,
клуб «Братские роднички», руководитель В.В. Корнилов

УБОРКА В КОМНАТЕ

Рассказ

Зашла один раз в мою комнату мама и говорит:

— Какой кавардак у тебя, Катя!

— Где? — спрашиваю я.

— В твоей комнате! Здесь ужасный беспорядок!

— А по-моему, все нормально!

— Нормально!!! Да здесь словно ураган пронесся!

— А мне нравится моя комната!

— А мне нет!!! Во всем доме чистота и порядок. Ты сейчас же наводишь порядок, или вечером никакой тебе дискотеки.

«Вот черт! Ну ладно! Я все уберу! Вот чем приходится заниматься в субботний день! Должны же существовать законы, запрещающие детям заниматься уборкой!»

Сначала соберу грязную одежду. Так, отнесу все это в ванную, вещи положу возле стиральной машины. Одно дело сделано. Спортивные принадлежности должны лежать в кладовке. Позже...»

Ну, вот и отлично! Возвратясь в комнату, я подумала:

«...А теперь надо убрать бокалы, коробки и прочий хлам... Отнесу все это на кухню и вернусь за остальным».

Через час...

— Интересно, убрала ли Катя свою комнату? — мама с покупками заходит на кухню. — О боже! Это еще что такое?

Она заходит в ванную и вдруг видит в куче юбку, шорты...

Мама удивилась:

— Целая гора грязного белья? У, я тебе!.. А почему дверь в кладовой не заперта?

— Кошмар? И здесь тоже свалка? Сейчас я до тебя доберусь!

Мама быстро устремилась по лестнице в мою комнату и в гневе закричала:

— Катя!!!

— А, привет, мам! Смотри, чистота и порядок! Ну, все! Я пошла: мне нельзя опаздывать на дискотеку! Пока!

Жанна Райгородская — поэт, прозаик. Закончила ИГПИ, по профессии учитель-логопед. Участник конференции «Молодость. Творчество. Современность». Печаталась в газетах «Советская молодежь», «КП-Байкал», «Иркутская культура», в журнале «Молодежный магазин». Живет в Иркутске.

Жанна Райгородская

ПИРОТВОРЕЦ

Фантастический рассказ

I

Кабинет научного руководителя размещался в подвале. Вдоль стен из черного мрамора располагались стеллажи, уставленные потемневшими глиняными сосудами. В стеклянных витринах покоились костяные гарпуны, ножи из нефрита, пара каменных топоров и десяток грудастых «Венер». Статуэтки каменного века не имели голов, но выглядели весьма привлекательно. «Предки знали толк в бабах», — подумал аспирант Эдди Чуждэй.

Куртман, лысый носатый старец, напоминавший еще один музейный экспонат, сидя в вертящемся кресле напротив миниатюрного столика, сосредоточенно клеил из черепков старинный горшок.

Над желтой, как слоновая кость, лысиной археолога висел календарь — полногрудая дама нежно обнимала бутылку виски «Белая лошадь».

Предки вешали на стенах портреты вождей, вспомнил Чуждэй. Дураки были эти предки!

Видимо, последнюю фразу аспирант произнес вслух, ибо Куртман оторвался от работы и спросил озадаченно:

— Почему вы считаете их дураками?

И Чуждэй заговорил о проблеме, давно его волновавшей.

— Как же не дураки! Сколько раз бывало — полчища людей ни с того ни с сего

шли крошить друг друга, хотя их взгляды на жизнь были скорее сходны, чем различны. Крестоносцы и сарацины, католики и протестанты... К чему было воевать?

— Борьба за место под солнцем, — пояснил Куртман.

— Более миролюбивая сторона могла уступить. Чуть-чуть измениться. Посмотреть на события с иной точки зрения...

— И поклониться в ножки захватчику?

— Почему нет? Сколько денег было бы сэкономлено, сколько спасено человеческих жизней...

Куртман неведомо отчего покраснел и заговорил ненавистным аспиранту менторским тоном:

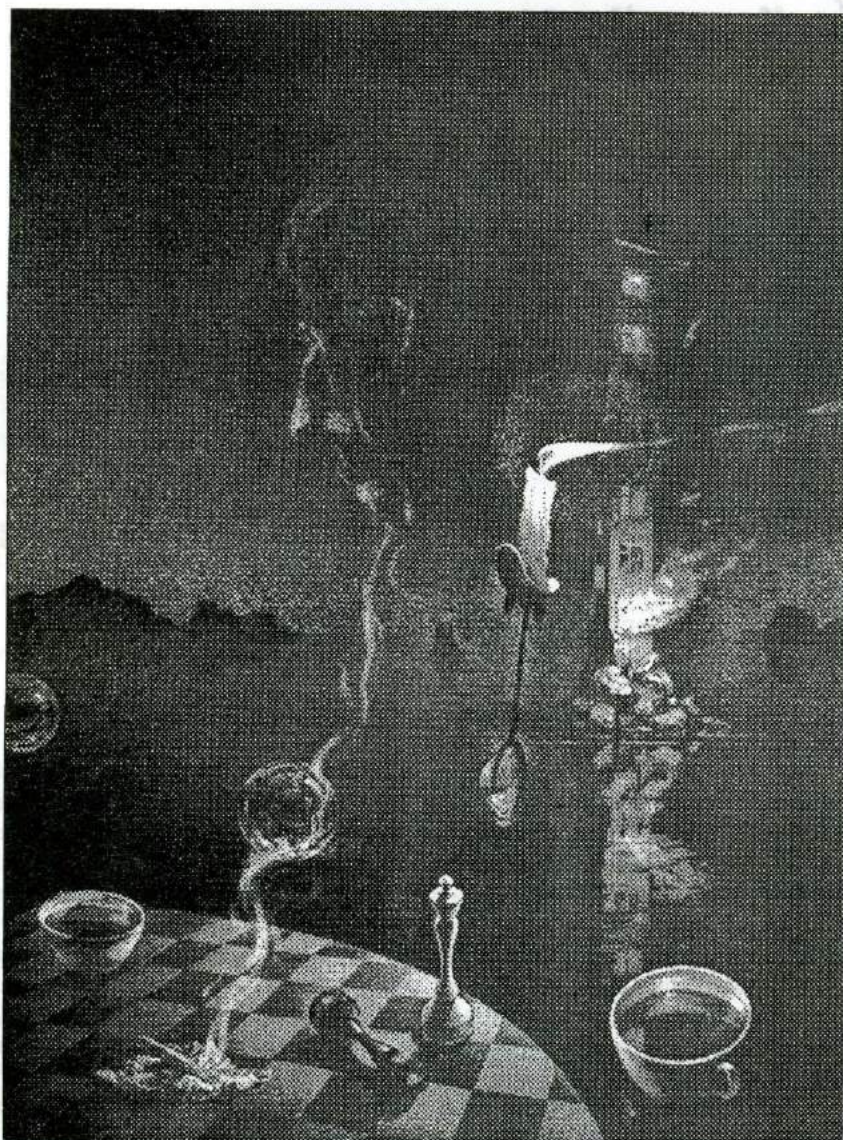
— Защита своего дома, семьи, надела земли — это врожденная программа поведения. Вот слушайте. Идет по африканской саванне стайка павианов. Самки с детенышами по середине, в кольце самцов-воинов. Вожак углядел леопарда. Подал сигнал. Двое павианов-защитников отстают от группы, погибают сами, но загрызают хищника. Все понятно?

— Мы не обезьяны! — поморщился Чуждэй. — Зачем нам жить простейшими инстинктами?

Старик нахмурился.

— Если к вам залезут воры...

— Никакие деньги не стоят человеческой жизни. Отдам.

Денис Серков
«Пламя игры молодой поэтессы»
2001–2002 гг.
Из цикла «Мысли вслух наедине с собой»

— А если на жену посягнут?

Чуждэй воспыллал гневом.

— Я не женат! И некорректно с вашей стороны задавать такие вопросы! Почитайте классику! Женщины предпочитают грубых и сильных самцов, даже если это враги! Смещение народов и рас неизбежно, противодействовать этому глупо. Не проще ли поиметь свою выгоду...

— Чего же вы хотите, в конце концов?

— Командировку в эпоху крестовых походов или в эпоху Реформации. Постараюсь помирить.

— Да уж, посмотрите своими глазами. Впрочем, не стоит погружаться так глубоко. Сэкономьте горячее. Две сотни лет назад в наших краях полыхала та-акая война... Обе стороны боготворили вождей, стремились переделать по-своему жизнь на земле...

— Что-то припоминаю, — кивнул Чуждэй, — но подробно нигде не читал. А ведь я историк.

— Закрытая информация, — пожал широкими плечами старик. — К чему людям ведать... Большое кровопролитие совсем недавно...

— Большое кровопролитие? Так это же интересно! — воскликнул молодой человек.

— Что вам интересно? — в скрипучем голосе Куртмана прорезались гневные нотки. Археолог вытянул шею и сделался похож на ощипанного грифа. — Усеянные трупами поля? Отравленные газом мирные жители?

Чуждэй понял, что сплеховал. Каждый имеет право на свое мнение, но перед научным руководителем лучше смолчать. Пусть старый гриб воображает, что я устыдился.

— Впрочем, поезжайте, — кивнул археолог. — Только оставьте расписку, что сами за себя отвечаете.

— А что, возможен риск? — поднял брови Чуждэй.

Куртман воззрился на аспиранта, как волк на пуделя. Парень чем-то походил на него и в то же время был карикатурно другим. Не разумел простейших вещей. И Куртман сказал:

— Да. Это очень опасно.

«Вечно старый индюк труса празднует», — подумал досадливо аспирант.

Уже темнело, и аспирант прикинул, не обойти ли стороной уголок лесного массива, однако, решив воспитывать в себе стойкость, волю и мужество на случай неожиданных ударов судьбы, пошел напрямик.

Страх, владевший аспирантом, имел мистическую природу. Молодой человек не столько робел перед шпаной, сколько припоминал дедовы рассказы о скверах, разбитых на костях («Скверы... скверна...» — шушукались, крестясь, божию одуванчики), о надгробьях, сметенных ножом бульдозера, о зданиях, отделанных могильными плитами... Умом Чуждэй не принимал этих пересудов, вдребезги разбивавших сияющий мираж лучшего в мире государства. Но в темноте подсознание раскрепощалось. Могильный холод ужасной истины подымался со дна души, затопляя голову, как рубку тонущего судна.

Дальше — больше.

Молодой ученый зацепился ногой за корень и полетел в неглубокую яму.

Аспирант лежал на спине и сам себе казался утопленником, опустившимся на дно моря. Вверху едва мигали, задыхаясь от смога, бледные звезды.

Рядом лежало изжелта-белое НЕЧТО. Перепуганный взор аспиранта лихорадочно выхватывал то одно, то другое: сухой песок в лежащей на боку чаше... капкан челюстей... бамбук позвоночника... обручи ребер... но разум не хотел собирать впечатления в единое целое.

Спасение было знакомо с детства. Самонастройка.

«Это невозможно! — внушал себе молодой ученый. — Мне это чудится... блазнится... грезится!»

Какую-то секунду ему жгуче захотелось дотронуться и проверить, но деятель науки могучим усилием воли сдержал себя в узде.

«Мы — лучшая в мире страна. Трупы кремируют. Парки на кладбищах — кощунство, несовместимое с нашим образом жизни».

«А вдруг убийство?» — закралась нежданная мысль. Убили да закопали...» Но аспирант отругал себя за неблагомыслие. У нас? Убийство? Чепуха!

Стало быть, доказал себе Чуждэй, никакого скелета здесь нет. Это подсознание играет мной, как ракетка воланом.

Чуждэй сел, затем, опираясь на руки, поднялся. Глаза оказались чуть выше уровня земли. Белела брошенная пачка сигарет, блестела валяющаяся на земле пивная бутылка, скорбно, будто горюя, качался сломанный куст... Уф, порядок. Юноша под-

Мир природы

тянулся на руках и очутился в знакомом парке. С минуту его тянуло запустить глаз в яму, но ученый пересилил себя и, намеренно замедляя шаг, пошел к выходу.

3

Прошлое встретило Чуждэя ужасающим беспорядком. Повсюду валялись куски обгорелого железа, мотки проводов и колючей проволоки. Уставив в серое небо навек замолкшие пушки, замерли на разорванных гусеницах подбитые боевые машины. На скальпированных черепах холмов лишь кое-где пробивалась стойкая зеленая травка.

Война откатилась на запад, оставив людям разоренную землю. В сиром небе перекликались ласточки — должно быть, недоумевали, куда же делись дома, под крышами которых так удобно вить гнезда. Апрель готовился уступить место маю.

Но Чуждэю было не до весенних радостей. Грубый, неотесанный мир предков обескуражил его.

Порядочного жилья заметно не было. Лишь у самого горизонта виднелся вагончик, жалкий, как обломок кирпича на выжженном пустыре, а еще чуть дальше — полупрозрачная стая не то палаток, не то облаков.

Вздыхнув, цивилизатор двинулся к месту контакта.

4

В вагончике, словно по контрасту с окружающей действительностью, оказалось уютно. Две лежанки, прикрытые лоскутными одеялами. Плетеные круглые коврики на полу. Прибитая в углу треугольная полка столика. На полке — зеленая бутылка, наполовину залитая керосином. На горлышке сосуда лежало жестяное кольцо, обнимавшее жестяную же трубочку, в которую был вставлен фитиль. Неподалеку таксой раскорячилась железная печурка на гнутых ножках. Труба выходила в обитую жестью стену.

На стенах висели: белый халат, брезентовая сумка с красным крестом и множество вышивок — в основном на цветочные темы. Дверь была прикрыта оригинальной портьерой. На грубой мешковине бросались в глаза алые кумачовые маки, переплетенные травянисто-зеленые стебли, зубчатые листья с желтыми прожилками.

Набитые сеном подушки были покрыты накидками из тюлевых штор. На снежно-

белой воздушной ткани сияли желтые, красные, оранжевые осенние листья.

У печки лежала книга с растрепанными страницами. Чуждэй покосился на корешок. «Собор Парижской богородицы». Хозяйка читала французский роман, да еще про любовь. Хороший признак.

Чуждэй перевел глаза на аборигенку и замер, не веря своему счастью. Невысокая и стройная, девушка походила на гимназистку. Сходство дополнялось пышным белым бантом в темно-русых волосах. Кофейно-карие глаза с вежливым любопытством озирали незваного гостя. Пришелец перевел взгляд и оценил высокую грудь, тонкую талию и округлые бедра.

И тут — эх, беда! — из-за вышитой кумачом портьеры, скрипнув дверью, явилась девочка лет семи — беленькая костлявая замарашка.

— Мама Инга! Дай кушать!

— Не теперь, Нелли, — строго возразила хозяйка вагончика. — Сейчас я покормлю гостя, а тебя позже. Помой руки и садись вышивать. Ты еще василек не закончила.

Молодая женщина взяла жестяной кувшин и вместе с дочкой вышла из временного своего жилища. Снаружи послышался плеск воды.

Чуждэй раскинул умом. Обручального кольца на туземке нет. Может быть, обменяла на хлеб или сахар?

Когда Инга и сверкающая чистотой Нелли вернулись, гость отважился спросить о кольце.

— Я не замужем, — сухо бросила девушка. — Пожалуйста к столу.

События разворачивались как нельзя лучше. А я ведь для нее — последний шанс, смекнул Чуждэй. Одна... С ребенком... В убогом вагончике... Кто на нее польстит-ся?! Жениться я, конечно, не буду.

Хозяйка плеснула в кружку кипятка без сахара и заварки, отрезала тоненький ломтик от ужасающего вида краюхи. Цветом и твердостью хлеб напоминал несколько лет пролежавший в земле кирпич. Кое-где из него торчала солома.

Малышка Нелли с жадностью посмотрела на бурую краюху, но тут же овладела собой, извлекла из-под подушки холщовую салфетку, белый мешочек с цветастыми нитками мулине и занялась рукоделием.

Набравшись мужества, Чуждэй зажмурился и вгрызся зубами в ломоть. Хлеб цапал десны.

— Вкусно? — участливо осведомилась Инга.

Чуждэй вспомнил золотое правило покорителя женщин. Баба — существо глупое, подчиненное. Ей, как собачонке, все время надо указывать место. Если не бить и унижать, то надо критиковать.

— Из чего вы только его пекли? — брюзгливо заметил гость. — Прожевать невозможно! Потому вас и замуж никто не берет!

Повисло нехорошее молчание. Надо было забить эфир. И Чуждэй вспомнил, с какой целью приехал.

— Все воюете, воюете, — вздохнул миротворец. — С корочки на корочку перебиваетесь... И взрослые, и деточки... А покорились бы пришельцам — глядишь, и масло бы мазали прямо на колбасу...

— Что-о-о?! — переспросила непонятливая туземка, сдвигая черные соболиные брови и берясь, совершенно некстати, за сковородку.

Чуждэй стал в тупик. На что тут можно обидеться? Все как есть...

Выручила его Нелли. Она вдруг в голос разрыдалась. Инга, забыв о госте, кинулась к девочке.

— Нелочка, что с тобой? Опять маму вспомнила?

Нелли закрыла лицо руками, будто не желая видеть страшный, безжалостный мир.

— Нет, Инга... Я не по маме, я по иголке плачу... Иголка тупая, ржавая... Вышивать неудобно...

Молодая женщина улыбнулась. Она сама старалась не показывать своих слабостей. Нелли пошла в нее.

Так, значит, это не дочь!

Чуждэй опять стал в тупик. Надо было как-то реагировать на поведение дикарок. И он изрек:

— Невоспитанный ребенок! Из-за иголки разводить сырость... Стыдобища!

Хозяйка дома пристально на него поглядела и отчеканила:

— Ступайте отсюда.

— Но я... — озадаченно бормотнул проповедник.

— Ступайте отсюда, — в голосе молодой женщины скрежетал металл.

Чуждэй пожал плечами и вышел.

5

«Женщины никогда не блистали умом, — утешал он себя, продвигаясь в сторону скопления палаток. — Вот сильный пол — тот поймет...»

Трое бойцов, разнокалиберной одеждой скорее напоминавших партизан, копали могилу. Четвертый, с раздробленными ногами, лежал около, и Чуждэй не сразу сообразил, что это покойник.

— Вот, подорвался на mine, — вздохнул усатый пожилой мужик в съехавшей на стриженный затылок пилотке. — Шел, шел и пришел...

— У меня друг, Васька, так же погиб, — поделился белобрысый юнец в тельняшке. — В городе еще. Фрицы, мать их, засунули кошку в ящик и заминировали конструкцию. Кошара — орать, Васька ломанулся ее спасать... И все. Ни кисы, ни Васьки.

От вида крови и от рассказа Чуждэя замутило. А ведь и я мог бы так же пропасть, закралась нежданная мысль. Но Чуждэй взял себя в руки. Да это же все понарошку, внушал он себе. Вовсе это не живые люди и не настоящая смерть. Это... как бы стереофильм такой. Или фигурки в тире. В них стреляют, они падают. А я — живой человек, меня убивать нельзя. В конце концов, зачем я сюда приехал? Трястись, как сигаретка в руке алкоголика, или народы мирить?

— Сколько жертв, сколько крови, — пустил пробный шар пришелец. — А ведь все могло быть иначе...

— Это как? — осведомился круглолицый рыжеватый мужик в фуражке. Его полудетская конопатая физиономия приобрела забавно-грозное выражение. Выгоревшие брови сдвинулись, пухлые губы вытянулись вперед. — В каком это смысле — иначе?

— Худой мир лучше доброй ссоры. Это бесспорно, — проповедник лучшей доли рассек воздух белой, без единой мозоли, длиннопалой рукой. — Не проще ли было сдать врагам без боя? Все были бы живы... И сыты...

Предки вели себя как-то странно. Отошли от могилы, но лопат не бросали. Блондин в тельняшке опустил руку на кобуру.

— Отставить, — прошелестел усатый. Парень повиновался.

— Семен Семеныч! — предложил рыжий. — Может, повяжем его да сдадим куда следует?

— Нет уж! — отрезал усатый. — Сами проучим!

Отправляясь в минувшее, миротворец захватил бластер, стилизованный под наливную ручку «вечное перо». Прицепил смертоносное оружие к лапкану пиджака. Сейчас он попробовал дотянуться...

Но могучий, болезненный и вполне ре-

Мир сражен

альный удар лопатой по голове погрузил пришельца во тьму беспамятства.

6

Когда Чуждэй опомнился, вокруг не было ни людей, ни вагончиков, ни палаток. Должно быть, его беспамятное тело отволокли подальше и кинули на произвол судьбы.

Дикари! Миссионер ощутил злобу, смешанную с нарастающим голодом. Он пришел учить их смирению, кротости. А они... То из дому гонят, то бьют примитивным землеройным орудием. Почему?!

Чуждэй, не запивая, проглотил две насыщающие таблетки. В голове прояснилось, и проповедник, как ему показалось, добрел до истины.

Он приехал слишком поздно. Люди много вложили в эту войну и не желают слышать о том, что был другой путь, что все их жертвы напрасны.

Вот если бы он появился в начале войны...

На горизонте сиротливо чернела рощица, в которой пряталась его машина.

Чуждэй, кряхтя, поднялся на нетвердых ногах и двинулся. Тело болело, как после долгих занятий на тренажерах. Бластер, стилизованный под «вечное перо», куда-то исчез — видимо, потерялся в драке. Надо было спрятать подальше, запоздало сообразил он.

Добредя с грехом пополам до машины, ученый муж упал в кресло, задраил лок и набрал на клавиатуре новую дату — 30 июня 1941 года.

7

Из командировки Чуждэй не вернулся. Отец и мать, коротавшие остаток жизни в комфортабельной богдельне, отнеслись к его пропаже со странным спокойствием.

Когда же печальную весть узнал Куртман, его широкая, в пигментных пятнах рука дернулась к левой половине груди.

— Что с вами? — вскрикнула лаборантка.

— Все о'кей, — успокоил старик. — У меня сигареты в нагрудном кармане.

Елена Ефимова учится в лицее № 3, в 11 классе. Главное увлечение — литература. Сочинительством занимается с 12 лет. Автор многочисленных стихов и рассказов. Живет в г. Иркутске.

Елена Ефимова

УРОКИ НЕНАВИСТИ

Булатниковым Елене и Ольге

...Понимаешь, каждый из нас несет на себе свой крест и свой спасательный круг. И каждый волен распоряжаться: бросить его другому или приберечь для себя...

Л. Устинов «Девочка и Ворона»

I

С детства я был, как говорили взрослые, «одаренным ребенком», поэтому каждый приход гостей (а гости у нас бывали уж очень часто: как правило, поделнички отца) обязательно сопровождался моим «концертом»: очаровательный четырехгодовалый карапуз с золотистыми волосатыми, торчащими на макушке, и пухлым ртом херувима вскарабкивался на трехногий табурет и начинал старательно выводить: «Вра-аагу не сдае-оотся наш го-ордый моря-аак!..» — а взрослые почему-то смеялись, ну и чего тут смешного? «Глупые они, эти взрослые», — думал я с досадой, но подвывать — для пущей серьезности — детским басом не переставал... Я очень четко помню, отдельными, правда, обрывками — будто бы яркими цветными фотографиями — и их слащаво натянутые улыбки, и умильно склоненные набок головы, и — конфеты, конфеты, конфеты!.. Как сейчас помню, вафельные в шоколаде, «Старт». С улыбающимся лыжником зайцем на промасленной бледно-розовой обертке. Мой гонорар тут же прятался деловитой бабушкой в старинный комод красного дерева с тугой скрипучей крышечкой и малахитово-ржавым замочиком. Там

они и забывались. Зато о тайничках бабушки всегда помнил я... До сих пор терпеть не могу ни вафли, ни шоколад!..

Самые противные в этих конфетах были не столь сами вафли, и даже не шоколад, а прослойки между вафлями — кисло-пириторные, ехидно расплзающиеся из-под пальцев, пачкающие нос, руки и щеки... «На самом деле, если бы в конфетах вафля была сплошным ломтиком, без всяких дурацких прослоек, то жить было бы не в пример легче», — думал я, досадуя, когда бабушка, причитая и охая что-нибудь из серии: «Ну что за неряха! Опять весь усвинькался...» — волокла меня за шиворот в ванную и отмывала от вафельной начинки.

Помимо песни про «гордого моряка», того самого, что «врагу не сдается», я декламировал с подвывом со своей трибуны некогда услышанный романс со странными, на мой детский взгляд, словами, а следовательно — туманным смыслом: «Слышали львы за рожей тихий глаз ночной...» — Что уж там были за *львы* и какой такой *глаз* они могли услышать, я и не вникал особенно, но зато точно знал от паленки, что (по его выражению) «дивное сие произведение написал не кто иной, как Пушкин Сан Сер-

Мир чудовищ

геич», — при этих словах у отца сильно сжимались ноздри, будто бы он понюхал красного перца, брови вскидывались ласточкиными крыльями, а верхняя губа вздергивалась и обнажала ровные фарфоровые зубки; все лицо его приобретало блаженно-аристократическое выражение. А я рассудил так, что не выучить Пушкина — грех, ведь это он написал мою любимую «Золотую рыбку» — вот я и старался!..

После «львов» с «глазом» гости не смеялись, как от песни о «моряке», но приторные улыбочки, как по свистку, моментально рисовались на их раскрасневшихся от кофе, наливки и пирогов физиономиях. Папенка — по уже заученному сценарию — гладил меня по лохматым кудряшкам (длинными пальцами с необычайно ухоженными, полированными миндалевидными ногтями) и отправлял в детскую. Признаюсь, это был самый приятный для меня момент: наконец-то удрать от шумной развеселой орды, словно улюлюкающей при этом мне вослед, как убегающему дикому бурундучку — нарочито громко, чтобы я слышал: «Какой замечательный ребенок!» А отец, обладавший, несмотря на закругленную комплекцию, высоким мелодичным голосом, со столь же наигранной небрежностью говорил: «Ну, думаю, что все мы сейчас — не более чем свидетели столь важного события, как расцвет этого, фигурно выражаясь, диковинного заморского цветка. Сейчас Максимка еще маленький, но, так сказать, пройдут годы, и он, я не побоюсь этих слов, потрясет мир своей гениальностью. Посему, друзья, давайте же ловить момент и ценить то, что мы наблюдаем его еще в столь нежном возрасте...»

Гости не слушали его: они зевали, пили кофе, лениво жевали пироги, полупутно стогняя с тарелок и друг с друга мух... А я сидел в своей комнате, расстроенный («Ну чего смеяться — песня-то не смешная!..»), на высоком табурете, облокотившись о подоконник и подперши щеку кулачком, с тоской смотрел в окно — на унылое, поросшее камышом и затянувшееся склизкой тиной болотце, или, как называли его соседские мальчишки, «чертовуху» — оно не замерзало даже в пронзительные сибирские зимы: неуклюжие камышовые скелетики нелепо торчали из ослепительных, фосфоресцирующих в сумерках сугробов, а за их сухим частоколом зияла оливковая гладь, под которой замерли-заснули пучеглазые караси, слизни, бегуны-водомерки и личинки кровохотливых пискунов...

А еще я очень любил смотреть на небо:

даже будучи пасмурным, оно всегда оказывалось светлее, чем что-либо другое. Часами просиживая у окна, я заворуженно заглядывался то на ленивые, расплзающиеся густым киселем облачищи, то на каких-нибудь птиц, вспугнутых дворовым котом Абрамычем, потому и брызнувших с шумом во все стороны. Бывало, засмотревшись, я возвращался взглядом в дом или дворик, и... они вдруг становились в моих глазах серыми и невзрачными после этой влажной и сочной голубизны. И когда я вновь подымал взгляд на таинственную, дух захватывающую стихию, то меня уже начинали посещать такие мысли, что лишь там, и нигде больше, может жить волшебник из сказки... Я так мечтал, чтобы он когда-нибудь спустился ко мне на облачном верблюде и увез в страну, где нет ни душного асфальта, ни мрачных комнат, ни мерзких гостей, что хохотали в тот момент в соседней комнате, мимоходом обсуждая очередной «проект»... Если честно, я хоть убей не помню, где отец работал и кем... Правда, по некоторым бабушкиным ворчаниям, помню, что занимался какими-то торговыми сделками: как-то она в сердцах высказала любимому зятю, что думает об «этих хамских шабашках», на что отец неожиданно с тоскою забасил по трагико-шалаяпински: «Власта Святославна!.. Да они самому мне уже — по самые чердаки!.. Мне ж оно самому не крыжовник, но дело требует...»

...И так он «терпел» своих компанейцев ради «дела»... Несчастный человек: настолько ему было все равно, с кем вести застолье — ну, потребность такая! — что он «принимал» стремление «помочь», то есть — составить компанию — от всех, кому только не лень... Да, он терпел этих людей, но не ради «дела», как говорил, а боясь, что останется один, так что еще неизвестно, кто кого подстраивал под свои деловые интересы: гости или хозяин... Вот ведь психология русского человека: нет пророка в своем отечестве — нас с мамой и бабушкой он никогда не считал за «своих», за друзей, но что хотеть от человека, над которым давит еще и совковая психология: семейная жизнь — буржуазный пережиток! Все-таки отец был несчастным человеком: он, от природы стремящийся покутить «русский Иван», оказался среди потомственных гордых полячек — моей мамы и бабушки, затем, воспитанный под гербасто-молоткастым знаменем, с 1991 года он оказался, как и все современники, в другом государстве с другой

политструктурой, напрочь отринувшей все, что было... Всюду оказывался по обстоятельствам «чужаком», сам того не желая; пытался подстроиться то под одни нормы, то под другие... В конечном итоге запутался в своих и чужих порядках, чертах характера, отпечатках времени... Взялся за рюмку...

Но его гостей я возненавидел сызмальства, как и вафельные конфеты.

II

К маме же приходили редко, да и то это были не знакомые или приятели, а ученики — матушка давала уроки фортепиано на дому, как выражался отец, «всякому сброду».

В моих, тогда еще детских, глазах она была всегда грустна и молчалива. Только сейчас, много лет спустя, мне понятно, что вся эта бесшабашная компанейская жизнь отца — с весельем, гуляньями, и застольями, «деловые встречи» для которых были лишь бессовестным поводом — ее тяготила еще страшнее, чем меня... Много времени мама проводила за живописью. Задумчиво проводила акварельные дорожки по альбомным листам: каждый мазок сначала созревал у нее в мыслях, а потом вытекал по кончику кисти на бумагу... Я часами просиживал затаив дыхание и зорко следил за каждым движением колонковой щеточки: от коробочки красок до листа. По всегда грустным, влажным маминым глазам я видел, вернее, чувствовал, что вокруг нее — Творца, Богини акварели и мамы в одном лице — сейчас мечется что-то такое... Такое... Что-то неуловимое, и если кто-нибудь извне внезапно гробом вторгнется в этот мир, ауру летучих мыслей и ощущений, то оно исчезнет! Пропадет, погибнет, разобьется, рассыплется... Как же я боялся порой пошевелинуться, чтобы (не дай бог!) не спугнуть это!..

На всех маминых картинах были только море и небо, море и небо, небо и море: краски — от молочно-белого до насыщенных ультрамариновых и благородных изумрудных оттенков — перетекали друг в друга, искрились и бликовали, подчеркивая друг друга в самых немислимых сочетаниях. Ни на одном рисунке небо не представляло безоблачным, а море — спокойным: сюжеты маминых шедевров воплощали то бурю, то шторм, то потасовку между пиратскими галерами. Вот одна титаническая волна накатывалась судорожно на другую, попутно дробясь об утес и рассыпаясь мириадами горящих на солнце точек влажной пыли; вот млечная пена по-

крыла рваными клоками борт корабля, на котором развернулась горячая, азартная схватка. Я смотрел на акварели, а в фантазии начинали роиться, нахлестываясь друг на друга, живые звуки: выстрел — вой — свист — скрип мачт — грохот катающихся по палубе бочек с намокшим порохом — треск и хруст крушащихся палубных досок — хрип рвущихся от бури парусов — и зычно рывкающий бас: «На аборда-аж!» У меня от такого кинофильма, возникающего в голове, даже нутро начинало дрожать и трепетать: мне тоже резко хотелось рисовать! Мои глаза вспыхивали яркими фонариками — схватив бумагу, кисть, коробочку красок, я начинал творить, увлеченно брызгая акварелью. А часа через полтора, весь перемазанный в изумрудно-лилово-лазурную полосу, будто индеец Джо, любовался на свой шедевр — лист, добросовестно и с энтузиазмом исколотый неуклюжими, дрожащими клинышками, кольшками и штришками; понимаете, мое творение тут же демонстрировалось маме со сбивчиво-эмоциональным комментарием приблизительно такого содержания: «А у меня тут тоже море... А это — брызги!.. А вот тут — большая гора!.. А здесь у меня кораблик... («А почему такой желтый?») Да нет, здесь у меня солнышко садится, поэтому оно в воде почти совсем, а кораблик вот тут...» — и я тыкал пальцем в невисохшие подтеки, размазывал свой кораблик и, понимаете, поднимал рев. Мама глядела на меня с доброй, ласковой полуулыбкой, совершенно искренней, что меня в ней несколько поражало: мама была единственным человеком, кто мог понять меня — мыслить, как я, а не притворяться. Только мама знала, о чем я думаю и что хочу сказать — достаточно было заглянуть друг другу в глаза, и мне уже не нужно было что-либо говорить, сразу следовал вопрос: «Что-то произошло?.. Тебя кто-то обидел, я знаю... Нет... Почему? Ты думаешь... Наверное, мне ведь тоже... Ну конечно, никто не узнает...» Взрослые любят разрушать детские фантазии, потому что прекрасно понимают, что никогда уже не станут обратно детьми. Они завидуют детям. А мама не завидовала, она сама была таким же ребенком, в ее отношении ко мне никогда не появлялось ни наигранности, ни фальши, ни притворства. Я ни разу от нее не слышал: «Я занята, не мешай мне» или «У меня дела», но не потому, что она все бросала ради драгоценного сыночка, а потому, что знала, что нет ничего важнее отношений между близкими людьми, ведь мы не были просто р о д с т в е н н и к а м и — мы были, в пер-

Море и небо

вую очередь, друзья мои... Да, мама — мой первый друг — в наиболее узком смысле этого слова... Интересно, знал ли об этом отец? Если знал, то не досадовал ли он на меня: пацаненок — и вдруг льнет к матери, а не к отцу?... Думал ли он во время очередного застолья о маме или обо мне: стыдись, украдкой, чтоб, не дай бог, кому узнать, какая «банальность», какая «обывательщина» у него в мыслях... Черт возьми, я ведь именно тогда возненавидел шумные компании, где люди могут терпеть друг друга лишь потому, что когда-нибудь из такого знакомства можно будет извлечь выгоду! Возненавидел и тех, кто умело кует такие отношения: навязывающих себя, представляющихся в таком «товарном виде», что другие — безынтуитивные, идущие по течению и по направлению ветра — проглотят крючок, пойдут следом... И их я тоже возненавидел!..

Кто знает, может, поэтому у меня и нет друзей... А может, это и к лучшему.

III

А потом я пошел в школу.

Все, что запомнилось — неприятный коллектив: гадость какая-то просто!.. — Пустая болтовня, примитивнейшие увлечения... И посреди этого смердящего болотца — один парнишка чуть помладше меня.

Он пришел в наш класс не сразу — класса, думаю, с пятого. Звали его Ленькой. Ленька Замай, что я, впервые услышав, прокомментировал себе под нос: «Ну и ну!.. Замай-заапсель-заавгуст!..» Маленький, худой, нескладный, парнишка походил на пуганую мышь. Отец выгнал его вместе с матерью и младшим братишкой на улицу, и ребята вместе со спивающейся мамашей, которая часто так их колачивала, что мальчишки не появлялись на занятиях, ютились в подвальной комнатенке, поросшей паутиной и плесенью. Разумеется, наши «чистоплюи»-одноклассники быстренько состряпали байку о «биче» и начали всячески угнетать и цеплять мальчишку. Он же — в вытянутой водолазке не по росту, закусывающий от обиды губу, — с прямой спиной и достоинством и презрением в глазах, смотрелся средневековым рыцарем посреди чистенького, сытого и умытого — при этом сутулого, поминутно плюющего и хлестко матерящегося («для крутости») быдла.

Тем не менее Ленька не мог дать отпор даже словом: в таких компанейках все решает увесистый кулак... Еще парнишке доставалось за его внешность: у Леньки нелепо тор-

чали уши, как у мультипликационного домоваенка... На меня, правда, тоже косились, как на чокнутого или неприкасаемого, но я, в отличие от Леньки, и за словом в карман не лез, и шеею мог — в целях самообороны — намылить кому угодно. Да и «противники» понимали, что я морально посильнее их и что «местной крутизной» меня не запугать... Да и что они могут сделать, разве что поплевать вычурными фразочками последней моды да с небрежным вызовом толкнуть пару раз в грудь? Несмотря на собственное неустойчивое положение в классе, Леньку я решил взять под свою опеку.

И все от нас отстали тут же.

...Он был очень похож на меня: ни под кого не подстраивался и выживал в любых условиях — будь то пьяная мамаша, приводящая домой посреди ночи собутыльников, или наш дурной класс, Ленька (как, впрочем, и я), неприхотливый, словно верблюжья колючка, мог вынести все.

Французские остряки, подшучивая над эмблемой своего народа, говорят: «Петух — символ французской нации потому, что только петух может петь, стоя по колено в собственном помете». На самом деле, французы — великие оптимисты: в каждой шутке есть доля... шутки. Однажды, сидя у моего «подопечного» дома, я рассказал братьям Замайю эту байку о петухе; Ленька сначала вспыхнул, потом моментально охладился: видимо, слово «помет» его сильно царапнуло за больное — он задумался, поглядел себе под ноги — на полу, в зияющих расщелинах между полусгнившими досками, набросанными наспех на сырой бетон, россыпью валялся папиросный пепел вперемешку с сухими крошками и мышиным пометом — и тихо, не без гордости произнес:

— Знаешь, Макс... А мы с тобой, наверное, французы!.. И ты — такой же француз, как и мы.

Ленька не фантазировал: отец мальчишек Вольдемар Замай был чистокровным «галльским петухом» — полугасконской-полупрованской крови.

...Младшему братишке Олежке (ему тогда едва исполнилось восемь лет, нам с Ленькой было по одиннадцать) с классом повезло намного больше: к нему относились в коллективе по-доброму... Замай-младший, как мне казалось, выглядел слишком нежно для мальчика: белокурые тонкие волосы, остренький лисий носик с приподнятым верху кончиком — точь-в-точь горка с трамплином, всегда открытая, дружелюбная шербатая улыбка и — доверчивые ва-

сильковые глаза... До сих пор удивляюсь: как среди пьяных соседей, беспросветной брани и плесневелой бытовухи сумели расцвести и не завянуть два тонко пахнущих лесных ландыша; каким образом смогли они не впитать в себя вонь разлагающихся, гниющих на грандиозной куче огрызков и отбросов?.. Наверное, тем они и подбадривали друг друга, что они вместе... Странно, меня тянуло к ним, в их маленькую подвальную конуру — прочь из ухоженного домика... Да, я бежал оттуда, где взрывами раздаются всплески хохота, где, как и пять, и десять лет назад, дико пируют безразличные, в сущности, друг к другу человекоподобные существа... Здесь же, в подвале, резко тянуло впитавшимся в стены табачным дымом, чем-то похожим на затхлый сыр, и масляным чадом... Нигде более я не чувствовал подобного «букета» после, но если бы и почуял, распознал бы, уловил на расстоянии — будто спохватившись, поймав себя за ни с того ни с сего с цепи сорвавшийся пульс!.. Уж слишком мне этот запах дорог!..

— Теперь нас уже трое!.. — произнес как-то невзначай Ленька, Олежка котенком прижался к моим коленям, глядя на меня со счастливой благодарностью — я несколько смутился и попытался высвободить руки из-под его пшеничной головки: что за девчонкины нежности?! — но не смог. Не посмел воспротивиться детскому взгляду, который будто говорил: «Я — недокормленный котенок... Защити меня!.. Спасибо. Ты еще ничего не сделал, но я тебе доверяю... Спасибо заранее!..»

Тем временем под ноги мне прикатилось что-то серое, шерстистое и очень колючее. Оно начало тереться о мою штанину с такими звуками, будто бы задрезал, включившись, отсутствующий в комнате холодильник.

— Это наша Кеша, — Олежка, улыбаясь, нагнулся и достал из-под табуретки тощую-претощую кошку и поднял ее за передние лапы. Кошка начала недовольно мести хвостом по воздуху, выгибая его кончик так, что можно было разглядеть каждый хвостовой позвонок.

Между тем на старом, в пятнах примусе заворчала раскалившаяся сковородка, и Ленька, наслаждаясь каждым моментом происходящего (еще бы: предстояло такое пиршество!), разбил в сковородку пару яиц прямо на плавающеся, съезжающее сало и на ломтики черного хлеба. В пластиковую крышку, что служила Кешкиной мис-

кой, робкой струйкой потекло молоко; кошка заурчала и задергалась на руках у Олега, кубарем скатилась на подгнивающие доски пола и, прихрамывая, поскакала к молоку...

...Говорят, полюби того, кого никто не любит — тебя ответно полюбят, как можно бы любить целый мир, да только «мир» сам отказался... Так получилось и у нас: мы посвятили себя друг другу напропалую. Никто не любил братьев — никому, по большому счету, не нужен был и я... пожалуй, кроме матери... Но тут мы с братьями Замаями стали друг для друга спасательными кругами. Из чего я извлек еще несколько уроков.

Я понял в полную силу смысл выражения «настоящая дружба мужская»; маленький Олежка стал для меня вообще младшим братишкой, которого мы с Ленькой опекали уже вдвоем... А еще я понял, что ненавижу всех, кто нас троих окружает — все ведь познается в сравнении, а супротив «настоящей дружбы мужской» все, что осталось за пределами нашего «триумвирата», оказалось таким ничтожным... Возненавидел я и всю среду, окольцовывавшую братьев: это они не поддались мерзкому влиянию, а если бы... — ?...

IV

...Через год отца не стало.

Длинная, растянувшаяся процессия двигалась через березовую рощу до кладбища... Янтарными кулонами нависали над головой подернутые сусальным золотом октябрь березовые листья. Зыбкая, будто хвост сказочной Жар-птицы, роща призраком дрожала вокруг... Блестящие капли березовых листьев, крапчатые пятки осинových — вперемешку покрывали бесконечное, лишенное горизонтовых границ, пространство: землю, воздух, поникшие ветвями молодые деревца... Черная вереница людей покорно плелась за обтянутым алым бархатом ларцом. Молчала...

Я отрешенно брел в хвосте. Вообще-то я никогда не был привязан к отцу, а в последнее время и вовсе отдалился от него — «Возраст, что поделаешь! — в голос твердили все вокруг. — Станет старше — переберется...» Да, я был с ним груб, резок. Но почему-то я не ощущал ни тени вины, за что уже было отчаянно совестно: быть виноватым за дерзость при жизни перед покойным, а уж тем более — перед отцом п о л о ж е н о!.. Шаркая ногами по пестрым листьям, утопая в них

Мир через

по шиколотку, я угрюмо обдумывал (очевидно, в попытке оправдаться перед совестью) такую идею, что любить родителей просто за то, что они родители, можно лишь в безоблачном детстве, лет эдак до семи-восьми, пока они, родители, вызывают восторженное восхищение: «Они все знают, все умеют, и вообще, они — самые-самые-самые!» Позже начинаешь убеждаться в том, что и взрослые могут ошибаться. А еще они могут быть злыми, корыстными и жестокими... А еще замечаешь, что они могут говорить одно, а делать совершенно противоположное, что — по их же словам — «неприлично», «неприсстойно» и «нельзя»... Если для малыша взрослый — предмет восхищения уже потому, что он есть, то авторитет подростков детей нужно еще заработать. Можно, конечно, подчинить, поработить, чтобы почитали, потому что боялись, но...

Да, я резко осуждал отца. Его привычки, нравы, его приятелей, слащавые интонации, манеру выставить меня напоказ, когда я уже давно не милый малыш... Да мне сквозь землю провалиться хотелось, когда папаша заводил вечную болтовню: «А вот мой-то Максимка...» — и пошло-поехало!.. Но, как бы я ни подавлял в себе ехидну совести, она ответно душила меня все уверенней.

...Мама шла молча, опустив голову и прикрыв глаза рукой в черной перчатке, ступая легко и бесшумно, покачиваясь тростинкой — зыбкая, как призрачная тень... О чем она думала в тот момент, я, как ни ломал голову, догадаться не мог.

Открыли гроб. Мы с мамой стояли поодаль и глядели в никуда, поверх дрожащей полосы горизонта: голая земля морщилась холмами, в нее вращали голубые и зеленые могильные оградки — кособокие, в безвкусовых, аляповатых венках из искусственных роз, васильков и ромашек... Мерзкие сочетания: ромашки с розами, гвоздики с хризантемами, васильки с тюльпановыми бутонами — на нелепых ветках не существующего в природе растения, отдаленно напоминающего пихту!..

Так как многие оставляют на могильных камнях своих родственников то кусочек хлеба, то блины, то вареное яйцо — на помин души, — по многим оградкам уже промышляла местная республика Шкид: измучившиеся ребятишки, кто — мои ровесники, кто и младше, с голодными глазами, недоласканные котята, она набрасывались то на одну могилку, то на другую... Ненавижу эту страну, в которой не могут даже организо-

вать хоть какую помощь беспризорникам! Думая, что про меня и так забыли и никто не заметит, если я ненадолго отойду, я приблизился было к ватаге — хотел отдать им, быть может, никогда не видевших шоколада, сладкую плитку, положенную матерью в мой карман — пока я «не видел»...

— Максим!.. Тебе не стыдно!.. С кем ты там... А ну, отойди от этого быдла! — недовольно крикнула со спины бабушка; я вздрогнул и обернулся. А когда вновь повернул голову, беспризорные ребятишки уже разбежались в разные стороны. Их спугнули...

— Да у меня и общего ничего не может быть с этой шарашкой, — буркнул я, чтоб успокоить бабушкину чертову гордость.

Толпа продолжала причитать и выть над телом... Отец нисколько не походил на покойника: он, как ни в чем не бывало, выглядел чертовски довольным: лежал и розовощеко улыбался! И ему-то было абсолютно наплевать на суетившуюся вокруг толпу. Как всегда, впрочем?..

* * *

Вернувшись домой, мы с мамой не проронили ни слова. Между нами будто завис напряженный проводок, и мы — то ли ожидали, что другой заговорит первым, то ли наоборот — опасались, чтобы не заговорил... Нам, наверное, стоило помолчать — уж слишком давно эти стены не слышали тишины.

— Его... рюмка сгубила, — выдавила... нет, выпедила, наконец-то, по словечку мама. Тишина к тому моменту уже начала подступать к гортани, и только произнесенное «живое» слово могло снять эту удавку. Каждое слово выпадало из уст тяжелой гирей и падало стремительно вниз, гулом и грохотом оставаясь звучать в перепонках... Мама, несомненно, жалела меня, оберегала, боясь выплакаться мне, чем могла бы облегчить свою душу, которая многие годы была вывернута наизнанку... Какой жестокий человек мой отец! — он не переставал мучить маму даже после смерти... Мама с неженской стойкостью, поразительным мужеством не только хранила едкую горечь в себе, но и будто брала мою подавленность на свою душу: неуловимые мгновения ее выдавали, будь то прикосновение к моему плечу, сжатие моей ладони — конвульсивное, как надежда уцепиться у обессиленного человека, которому стоит лишь разжать заострив-

лые пальцы — тут же сорвется в горное ущелье...

Я понимал смутно, как в тумане: я не должен расслабляться. Что я, девчонка?.. Странно получается: в семье, где, как водится, с детства закладываются все азы воспитания человека как личности, меня никогда не учили быть мужественным. Отец только и знал, что расхваливал меня и кормил омерзительными вафельными конфетами. Матушка не занималась моим воспитанием напрямую — все уроки я получил исключительно следуя ее бессловесному примеру: она учила меня видеть прекрасное — замечать все мелочи и нюансы жизни, без которых, как я понял позже, моя не стоит и погнутого медяка... Учила жить бурно — чего стоят все ее пиратские галеры!.. Чего только стоят ее оживающие на глазах морские шторма!.. Бабушка учила меня быть послушным и вежливым мальчиком... Уроков мужества я не получил ни от кого. Откуда тогда во мне... Странно, ведь каждый урок моей — тогда еще совсем короткой — жизни оборачивался тем, что я начинал кого-либо или что-либо ненавидеть. Наталкиваясь на жестокость волчьих законов (а не придумал ли себе их я сам?..), я снова и снова вставал в позу ошестинившегося нападающего дикобраза; парадокс — я никому не стремился пакостить — сам знаю, я — добрый человек, но...

Одиноким и бескомпромиссным. Гордый... Но не надменный. Слишком разборчивый в людях... Но не брезгливый. Суровый... Но не черствый. Добрый...

...Стоп!.. Рюмка сгубила... Черт подери, Ленька!.. Олежка!.. У них же мать... А если и с ней... Да, она далеко не подарок для мальчишек, но мать есть мать... А кроме нее никого и нет... Когда я представил себе, что ребята могут остаться сиротами (хотя фактически ими были уже давно) — вот только когда я понял, как они мне дороги! И, ничего не соображая, руководствуясь лишь дрожащим предчувствием, я опрометью выскочил во двор. Как я пронесся за семь минут целых четыре квартала, до сих пор не могу сообразить... Одним прыжком влетел в знакомую подвальную дверь, перевел дух...

В углу еле тлела полурасколота керосинка, поставленная на пеструю измятую бумажку, в которой я узнал агитационную предвыборную листовку. «Мы будем жить лучше...» — прочел я на задранномверху уголке и вновь в голове мелькнуло: «Ненавижу эту страну!..» Наохлившимися воро-

бьями сидели подле керосинки брата Замай: бледные худые руки виднелись из «пулеметной очереди» на рукавах вытянутых, штопаных-перештопаных свитеров — изголовавшаяся моль добротной изрешетила верблужью шерсть... У меня резиновым мячиком сжалось сердце при виде ребят!.. Из дыр на больших пальцах трижды латанных рукавиц жалобно выглядывали озябшие фаланги цвета дряблой моркови... Братя даже не обернулись на скрип двери.

— Ленька!.. Олег... — в отчаянном запале выкрикнул я. — Ребята вздрогнули и впились в меня такими отчужденными взглядами; горькими, как четыре таблетки димедрола за раз, по крайней мере эффект, произведенный на меня, был тот же, что и от лекарства... С четверть часа мы играли в молчанку. Наконец Олежка опустил глаза на гниющий пол и выдавил:

— Макс... Уходи...

Ленька отвел взгляд тоже, помолчал... Наконец свинцовым голосом произнес:

— Видели мы тебя утром... На похоронах. Тебе же здесь, среди нас не место! Или я что-то путаю? — процедил через кривую однобокую улыбку Ленька с гасконской язвенностью. — Чего же к нам пожаловали, мальчик из чистой семьи? Я помню, нам говорили в школе, кто такие аристократы. И ты, — Ленька мерил меня неодобрительным взглядом, — тоже оттуда же... Вы живете в красивом домике около чертовухи, твоя мама пишет картины — я видел, как она их продавала на углу... Богатым ведь не надо работать, они могут и порисовать... — его интонации сменились с ядовитых гасконских на суровые прованские. — А мы... Не можем мы быть друзьями. Все. Уходи... Думаю, мы никогда друг друга не понимали. И не поймем... Мы ведь быдло... А ты — чистюлька.

Я чуть не задохнулся от обиды: ведь нерегулярный доход от продажи маминых акварелей был вовсе не развлечением, а составлял значимую часть семейного заработка... Но не в том дело. Я хотел было закричать, что это не так, что мы всегда понимали друг друга, что я не могу и помыслить себя без братьев, что с бабушкой я не согласен... Но в последний момент почему-то что-то меня удержало... «Струсил!» — подумал я тут же и почувствовал себя таким ничтожеством, будто бы меня, ни в чем не повинного мальчишку, на глазах у всей улицы обезглавил средневековый палач.

— Уходи... — маленький Олежка поглядел на меня умоляюще-жалобно и прижался к старшему брату. — Я знаю, это назы-

Мур провози

вается «разные слои общества», так ведь?.. Максим... У нас и у тебя они разные!..

— Да какие, к черту, слои общества, — с утомленным раздражением отмахнулся Замай-старший, не отпуская меня с мушки презрительного взгляда, — пан сами изволили признать нас недостойными... как там?.. — «У меня с этой шарашкой и быть ничего общего не может» — да?

— Почему я этого не понял сразу?.. — по Ленкиному лицу прокатилась волна кислого усталого разочарования. Он поджал губу и обхватил братишку огромным господствующим объятием. — Уходи!

...Обычно в таких случаях говорят: «Сердце разорвалось» Я же точно знаю, что оно не «разорвалось», а «взорвалось». И взорвало мои внутренности...

Не в силах поверить в услышанное, я развернулся — медленно, как бывает при замедленном прокручивании киноплёнки, — и направился к выходу... Взялся за дверную ручку — запястье будто прогнулось под тяжестью невидимого ядра на цепи — как у каторжника на кандалах... Сухой, негромкий треск разломленной черствой булки чуть покорябал затхлую тишину, заставив меня обернуться: старший брат протянул младшему кусочек сухаря, явно больший, чем тот, что Ленка оставил для себя. Олег, в свою очередь, отломил — с таким же хрустом — треть от своего пайка и, пососав, положил на пол. Для Кешки...

Последнее, на что упал мой взгляд, был все тот же агитационный обрывок: с него улыбался русоволосый парень с хлебным колосом в зубах... «Мы будем жить лучше...»

* * *

...Вообще, человеческое мироощущение — это мозаика, каждое составляющее этой жизни — кусочки-осколки, из которых и создается причудливый узор. Одни кусочки — побольше, другие — поменьше: это уж по мере значимости. Когда чего-то лишаешься, то на месте соответствующего кусочка остается дыра — пустота, прореха... Так вот и в моей мозаике остались лишь жалкие, незначительные крохи посреди гигантских дыр: в один день я смог потерять единственных друзей и отца — какие огромные «дольки»

выпали из моего никчемного мирка!.. Не верю! — с трудом собирал я расплывающиеся вспутнутыми юркими ящерками мысли... Довольно-таки сложно что-то соображать, когда целиком и полностью болтаешься где-то в пустоте, на которую сменился пестрый грунт, на котором ты стоял прежде твердо, обеими ногами; когда под тобою нет земли, и не знаешь, где верх, где низ, где здесь ты, и где вообще что...

Я осовело брел сквозь ночные кварталы до дому, и весь мир казался мне сплошными прослойками... «Прослойками общества», которые — по глупости тех, кто их придумал — не дают быть вместе людям «разных» слоев. Бред какой-то: ну чего не ляпнешь по дурости, так нет — найдется кто-нибудь еще дурнее — тот, кто воспримет не так, как надо? Впрочем, ой, «не так» ли?.. Уж не нужен ли был Ленке предлог, чтоб красиво порвать... Ой, французы!.. Для чего, спрашивается, наши предки разбивали границы между сословиями?!.. Господи, ведь не при царе Горохе живем, так чего ж над нами все еще давят эти дурацкие сословные порядки?.. Да если и можно назвать меня потомственным аристократом, то лишь благодаря маминим корням: еще во время Костюшкинского восстания мамина прапрапрапра...-прабабушка, ссыльная шляхтичка, обосновалась здесь, в Прибайкалье, и стены нашего «богатого, красивого» домика, который чудом не сожгли во время гражданской, помнят всю ее жизнь, до мелочи... Разумеется, что братья Замай и предположить не могли, что наше жилище выглядит как изящная елочная игрушка не от работы подневольников-слуг, какие могли возникать в их воображении, а благодаря маминной опрятности. Почему гордый гальский петух не смог принять славянского кочета только за то, что славянину не нужно обязательно стоять на куче, чтобы иметь право петь?! Мол, если чистенький, то не вольная птица, а вскормленная сахарком канареечка из позлащенной клетки?!

IV

...И весь мир был сплошными слоями и прослойками. Прямо как вафельная конфета!

В шоколаде.

Страна поэзии

Горьковский

№ 3 (13) 2002

Екатерина Лангольф закончила пед. училище г. Ангарска, затем ИГУ, филологический факультет. Сейчас учится на III курсе аспирантуры (кафедра философии). Печаталась в газетах Ангарска и Иркутска. В апреле этого года вышла ее первая книга «Есть время посмотреть на небо». Увлечения — классическая и эстрадная музыка, игра на гитаре. Любимый поэтический стиль — верлибр. Также сочиняет рифмованные стихи и рассказы. Живет в Ангарске.

Екатерина Лангольф

Трилогия в верлибре «Детство. Отрочество. Юность»

ДЕТСТВО

Я почему-то все время бегу.
Утром я бегу в школу.
Днем — со всех ног — домой.

ОТРОЧЕСТВО

Я уже умею ходить.
Утром я иду в школу.
Днем я еще бегу домой.

ЮНОСТЬ

Я умею только ходить.
Утром я иду в школу, почти плетусь,
Осознавая: «Надо — так надо».
Сумка кажется тяжелой.
Днем — возвращаюсь,
сделав большую петлю —
обойдя вокруг свой дом.

У меня новая жизнь:
между школой и домом.
Есть время посмотреть на небо.

***

Да, я очень рассеянна
и, когда уйду из этой жизни,
обязательно что-нибудь оставлю.

***

Судьба качает меня,
как ветер деревья,
а всем кажется,
что это я раскачиваю судьбу.

***

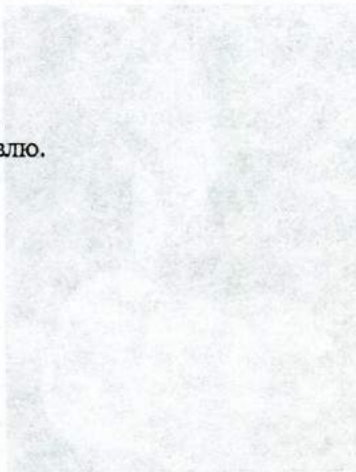
Чувствую, как мысль
от меня уходит.
На шаг...
На два...
Ну что же?
Так делает любая
свободная мысль.

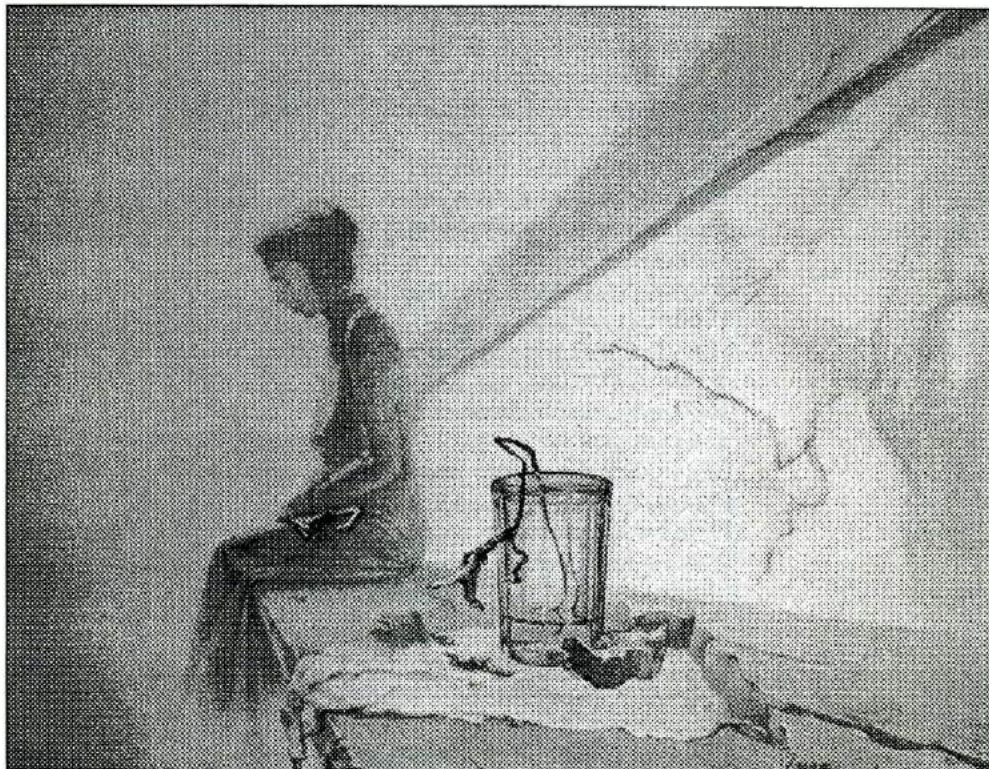
***

Сердце человека — это то,
что делает человека Человеком.
И то,
что мешает ему быть Богом.

***

Только в полночь
стрелки часов
указывают на небо.

Денис Серков
«Последний вздох Нарцисса»
2001 гг.
Из цикла «Мысли вслух наедине с собой»

Александр Мельников

г. Тимашевск, Краснодарский край

* * *

На западе — Венера низко.
И распадаются в стекле
Древоподобные структуры —
Куски весенней арматуры —
Фрагменты в зеркале-окне,
Раскрытом как вечерний триптих
В пустую мягкость мироздания
И обрамляющем собой
Пространные воспоминанья.
Затем — Плеяды, как приметы —
Неясных знаков напыльенье
Вслед за Венерою к закату
Склоняются, как многоточье.
И странно мира раздвоенье,
И полутьма вполне поката,
И нет в ней центра средоточья
В предчувствии глубоком лета.

* * *

Она напоминает мне тебя —
В ее глазах такая ж боль дробится.
Она — портрет, а ты — больная леда,
Измученная чем-то неприятным.
Живой зрачок, но как провал страданий —
Он излучает черные глубины,
Но мягкий и заботливо-печальный,
А на портрете он немного жестче.

* * *

Лежать в траве и запрокинуть мысли,
Неясные, как радиосигнал,
Размазанный помехой по эфиру,
И к сердцу лебединого креста
Прибитые в зените летней ночи.
Погасший воздух. Черная трава,
Висящая над звездной колоннадой —
Растянутой огромной темной рощей,
И рельсами Молочного Пути,
Поросшими туманным лопухом...
Стекло сердце, тоненькой иглой
Сейсмографа рисует по бумаге —
По ленте травянистых черных листьев.
Струится голубой ветвистый ветер

По шапочкам иссохшего укропа.
Колонны звезд... Меж них то тут, то там
Мелькает метеорный огонек —
Как бы в руинах странных старых зданий —
Фонарик заблудившегося духа.
И вместо крови — только темно-синий,
С оттенком темно-серого, прибой
Шумит в ушах, колоннах и укропе.

ЗАКЛИНАНИЕ

Ты узри меня — прозрей,
Пей волшебную водицу,
Если что-нибудь случится —
Горе сказками залей.

Та волшебная вода
Из пастей течет драконьих,
Отражает глаз вороний,
Голубые города —

Меж деревьев и кустов —
Невесомой тонкой речкой,
Только волны мелкой сечкой —
Блик мелькнул и был таков.

Ты Полярную звезду
Отыщи на небе гулком.
Заповедным переулком
Из теней к тебе приду,

Принесу тебе реторты
С образцами странных снов,
Из невысказанных слов
Напеку бисквиты, торты.

Подарю тебе кусок
От стариннейшего блюда —
Огоньки на нем займутся,
Мелко-мелко, как песок.

Как вкрапленья минералов,
Как малютки-светлячки,
В темноте, как маячки, —
Их без счета, малых-малых.

Уведут тебя в страну,
Где жилища старых духов,
Где таинственное ухо
Тычет мочкою в Луну,

Где грибы — как будто свечи,
И кругами на полянах,
Где за краешком туманов —
Неразгаданные плечи,

Где глаза ущелий горных
Отражаются в закатах,
Где далекие раскаты —
Как смычки для струн озерных.

* * *

Бессонница. Луна и карандаш.
И на стене глубокие картины.
Давление упало. Ералаш
Из пятен и лучистой паутины
В моих глазах. Я — радиосигнал —
Холмам далеким бесполезной вестью...
Окна в стене чернеющий провал
Задернут красно-бурым. Тонкой лестью
Трещат сверчки, приветствуя пустых
Великих и таинственно-рогатых
Безмолвных и прозрачных акробатов,
Что населяют черные листы
Ночных укромно-чувственных тетрадей,
Линованных ветрами и росой.
И кто-то тускло-серой полосой
Проходит и поет кого-то ради...

ВАГОН ВОСПОМИНАНИЙ

Бесплотность, стеклянистость, безутешность —
Наивных дней тоскующая внешность,
Тоскливых дней наивное стекло.
Потертые скамейки электричек
Подобны лакированным гробам.
Не верится что Солнце там пекло.
Назойливая ересь стыков-стычек —
Стучащих незатейливых привычек —
Тягучих рельс тоскливое тепло.

Заборы, лопухи, янтарь, щебенка;
Вдоль насыпей — столбы, неясность чувств —
Заплеванная серым киноплёнка —
Дымящаяся жесткость черствых уст.
И утра синеглазая пленка.
И рваный странник — придорожный куст.

Родительный падеж — цветы обоев,
Расплывчатость бесплотно-дачных ягод,
В потоках голубого лимонада
Перроны голубинового помета,
Батоны ситные, еще как-будто что-то —
Стекло все в вагонном ровном вое.
Все мимо, мимо — странные наречия,
Усы лесов, обломки синяков
И мертвенная боль чужих веков —
Могильных трав густое просторечие.

Как тяжело дух бесплотности мы носим.
Крапленая крошащаяся осень —
Сухих листочков ржавая страна.
И меж деревьев — голубые колбы,
В них белый мотылек воспоминаний.
Сухим листом по памяти, как по лбу.
И в небе вкус церковного вина.

* * *

Свет и Тьма — Дао знак,
Три луны, Зодиак;
Угадай, что не так.

Как тоннель: две стены,
Взгляд назад — две вины,
Впереди три струны.

Три струны — томный джаз,
Между струн темный глаз,
В зрачке том — узкий лаз.

На стенах зеркала,
В зеркалах Шангри-Ла;
Между стен нет тепла.

Где вопрос — там ответ:
Между стен жизни нет,
Только ты, Тьма и Свет.

Екатерина Гончарова

п. Марково

* * *

Меня Иркутск никак не отпускает:
Милует, нежит с самого утра.
Летят ко мне, целуют, обнимают
Друзья мои, как теплые ветра

А я стою растерянно средь рая,
Который все ж покинуть суждено.
И медленно внимание вдыхаю
Душой своей, которая — ничто.

Душой своей, предавшей интересы,
Все радости, все сладости мои,
Задорные «Багульниковы» песни,
«Курьера» золотые маяки.

Какому-то неведомому краю,
Где, может быть, меня не станут ждать...
Иркутск меня никак не отпускает!
Рыдаю: надо, надо уезжать...

Я ЖИТЬ ХОЧУ!

Я жить хочу! И я живу!
Как праздник, новый день встречаю.
Все сказки вижу наяву,
А грязи — нет, не замечаю.
И так от этого легко.
И солнце нынче — будто персик.
От дивной сладости его
на землю к нам приходят песни.
И эта вот ко мне пришла,
ее с улыбкой принимаю.
И кажется, я не жила,
жить только-только начинаю.

* * *

Как хорошо, что лета много!
Я по нему иду, бегу.
А захочу — по пояс в воду —
и в теплоте ее тону.
И на восторги нет управы.
Да и не надобна она.

То окунулась прямо в травы,
вся так свободна, так вольна.
И удивляюсь ароматам,
и растворяюсь в небесах.
Дух зимний канул без возврата,
И лето вечно на часах.

* * *

Какие высокие все же снега!
Какие сильнейшие все же морозы!
Но мне-то без них ни туда, ни сюда,
ни шутку сказать
и ни выплакать слезы.

ЖЕЛАНИЕ

Хочу, чтоб горести ушли,
чтоб даже капли не осталось
от той шемящей нелюбви,
что в доме нашем прописалась.
О, как тогда бы я жила!
Открыто, радостно, игриво,
что удивленная земля
на счастье б розу подарила.

* * *

Я смотрю на ковер и на шторы,
занавешено к ночи окно.
И не верится мне, что я дома,
и не верится мне, что тепло.
Апельсиновой пахнет конфетой.
Вот и люстра уже зажжена.
А ведь где-то сидят и без света,
и такие в домах холода.

Так и тянет к дивану прижаться,
поудобнее хочется сесть.
Замечайте, пожалуйста, счастье,
Замечайте, хорошее — есть!

И конечно же, станет полегче.
И быть может, станцуется вам.
Улыбается ласково вечер,
уступает дороженьку снам.

Стихотворение

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Я к вам иду, любимые мои,
друзья мои, сокровища живые,
похожие на чудные цветы,
на солнечные розы золотые,
веселые, как звонкий летний день,
задумчивые, будто зимний вечер,
не видящие часто свет и тень,
но жаждущие с радугою встречи!
А радуга — минуты и часы.
А радуга — и музыка, и шепот.
Той жаждою меня поите вы,
над суетным я делаюсь высокой.
Страдания учусь не замечать,
я, вашему цветению внимая.
Друзья мои, иду вам помогать,
но с вами расплачусь ли, помогая?

Василий Мотоев

ПОПРОБУЙТЕ ПРЕДСТАВИТЬ...

Попробуйте представить свою жизнь
Без облаков, без нежного прибоа.
Пятно мазута заслоняет высь
И кляксой черною висит над головою.

Попробуйте представить жизнь без скал.
Без пенья птиц, без шороха листвы:
Представьте, что исчез, исчез Байкал.
И стали серыми, бесцветными цветы.

Попробуйте представить мир таким.
В границах серых: в очень мрачных красках,
Где солнце закрывает черный дым...
И где Байкал, скупящийся на ласки.

От мысли этой нас терзает боль.
Не потому ль, что частью мира стали.
Где каждый камень знает свою роль.
Хоть что-то мы меняем на Байкале.

Попробуйте представить мир иначе,
Его нетрудно взять — переключить.
И красоту легко переиначить.
Труднее мир таким, как есть, любить.

Сергей Перфильев

г. Иркутск

***

Волос седой —
паутинка последняя
сырости,
осени,
тлена,
дождя.

***

В полночь
всегда
оживают
двери —
сердятся,
что-то бормочут,
ворчат.

***

Мыльные пузыри,
уходящие в небо
незаметно
уносят
меня
от земли.

***

Кот взмахнул веером,
звуки истлели,
кончился вечер...

***

Карты,
сумерки,
циферблат.
Полночная
вуаль
города.

***

Солнечный
диск
ледяного
безмолвия
медленно
катится
вниз
с горы.

Сергей Комин

***

Сентябрьским утром
Я брошусь в распахнутое окно
Березовым листком
И упаду на твои ладони,
А ты прижмешься губами
К пожухлому листу,
И на его желто-зеленой коже
Появится отпечаток губной помады.
Ты раздвинешь пальцы,
И я упаду на холодную землю
У твоих ног.
И ветер унесет меня прочь.

Сирена поет

* * *

С. И.

Пусть не во мне,
А в вас отражается солнце.
Я буду ребенком,
Что бродит по берегу моря
И ищет тонкие кольца.
Вы будете только поэтом
И будете морем.

ДВИЖЕНИЕ

Идти,
Шлепая по воде ногами.
Идти,
Рассекая грудью волны ветра.
Идти,
Слушая музыку звезд.
Идти,
Вдыхая аромат ночи.
Идти.
Просто идти вперед.

Что может быть лучше этого?

* * *

Первая любовь
открывает душе
новые горизонты чувств.
И даже через года не исчезает,
а теплится внутри.
И часто ты сравниваешь
вновь посетившее тебя чувство
с первой любовью.

* * *

И если вечно спать,
Пусть вечно снится
Береза на ветру.
И если вечно жить,
То только на страницах
О сбывшихся мечтах.
Пусть я умру...
Когда-нибудь, но все же...

* * *

Бороться с грустью,
Убегать от лета,
Прощаться мысленно с годами,
Что пролетели мимо.

Пусть ночь тиха,
Я буду помнить вечно
Всю боль любви,
Все строки о чудесной
И душу иссушающей тоске.

* * *

Ты ощущаешь закат
Каждой клеточкой своего тела.
Но почему-то видишь чужие слова
На своих страницах.
И пусть твой последний листок
Врастет в мое сердце,
Я благодарен судьбе за то,
Что даже во сне ты чувствуешь,
Как я открываю глаза.

* * *

Брошенный окурочок...
Будет ветру с кем поиграть.

Евгения Шикueva

* * *

Нет дома родного. Нет даже угла
Где можно душой отдохнуть.
Есть место, где можно поспать до утра.
И все. Утром снова в путь.

Скитаюсь по миру. В котомке несу
Сухой тополиный листок.
Две книжки, в сосуде прозрачном росу
И маленький образок.

«Где цель моей жизни, где мне повезет?»
Я молча иду, не спеша.
Ищу тихий дом, где среди бурь и невзгод
Найдется родная душа.

Сирена поет

* * *

Н. Соину

Ваш покой напрасно не нарушу,
Вы так недоступно далеки...
Как лечить мою больную душу,
Я спрошу, наверно, у реки.

Тихим всплеском мне она ответит.
Отразит в себе тоску-печаль.
Опалит лицо прохладным ветром
И умчит слова куда-то вдаль.

По течению я листком осенним
Поплыву искать ее ответ,
Загляжусь на неба отраженья
И увижу, что ответа нет.

И пойму, что ничего не надо,
Боль ушла, и на душе покой.
Просто под напевы листопада
Я пришла поговорить с рекой.

* * *

Три розы вянут на столе,
Горит свеча.
Рука, протянутая мне,
Так горяча.

А за окном метет метель
И пляшет ночь.
Нырнуть бы в эту карусель
И скрыться прочь:

От этих роз, от этих рук,
От этих свеч...
От чувств, эмоций, от разлук...
От голых плеч...

В снега! Там тихо, там покой.
Там ветра свист.
Снежинки над ночной рекой
Танцуют твист.

* * *

Бессмертник в стакане на белом столе,
А в синем тумане почудится мне:
И голос твой нежный, и взгляда печаль.
Но гляну получше — лишь поле и даль.
Да ночь за окном...

Александр Невзоров. Учится на III курсе ИГЛУ. Активист Школы молодого лидера. Увлекается музыкой, путешествиями по Интернету. Автор многочисленных стихотворений, рассказов и пьес.

Александр Невзоров

ДОРОГА В НАЗАРЕТ

Действующие лица:

Иосиф — вифлеемский плотник

Соседи

Ангел — посланец Бога

Симон — пастух

Толстый — первый разбойник

Тонкий — второй разбойник

Мать

Мальчик

Потерявшаяся девочка

Лже-Христос

Мария

И о с и ф. Закат... Интересно стоять на этой горе и наблюдать закат. Я, кажется, вижу, как вращается Земля. Скоро деревья, травы, птицы и люди — все уснут. И все же, как бы ни был прекрасен мир при свете дневном, вечером он не менее прекрасен. И все это сотворил Бог!

1-й С о с е д. Смотри-ка, Иосиф снова лобуется видом с горы!

2-й Сосед. Не понимаю, что он в этом нашел! Каждый день туда ходит.

1-й Сосед. Действительно странно.

И о с и ф. Что это? Я чувствую какое-то странное тепло. Недавно только дул ветер, а теперь как будто рядом какое-то теплое излучение... (Видит ангела.) Кто ты?

А н г е л. Здравствуй, Иосиф! Я послан Богом, чтобы сказать тебе кое-что.

И о с и ф. Откуда ты знаешь меня? И что ты хочешь сказать?

А н г е л. Мне ли тебя не знать? Твое имя записано на Небесах, на тебя будет возложена огромная задача, только не пугайся, ты с ней справишься.

И о с и ф. Хм, что это за задача?

А н г е л. Ты же знаешь, что на землю должен прийти Спаситель, посланный Богом?

И о с и ф. Да, конечно!

А н г е л. Так вот, это свершится еще скорее, чем ты думаешь! И ты будешь иметь к этому самое непосредственное отношение.

И о с и ф (встает на колени). Боже, это такая большая честь для меня. Ты говоришь, что я своими собственными глазами увижу Спасителя! Но что я должен делать?

А н г е л. Прежде всего иди в Назарет, а там ты сам многое поймешь. Больше я пока ничего тебе не скажу. Помни, у тебя есть специальная миссия, иди в Назарет и не останавливайся ни перед чем! Тебя вечно будут помнить, Иосиф.

И о с и ф. Слава мне ни к чему! Мне бы взглянуть на Спасителя!

А н г е л. Поверь, Иосиф, награда тебе будет огромная, но твой путь не будет гладок, дорога в Назарет будет трудна, а дальнейшая жизнь еще труднее.

И о с и ф. Я готов!

А н г е л. Тогда вперед! До свидания, Иосиф, мы еще встретимся!

И о с и ф. Бессмысленно ждать. Я отправляюсь в Назарет! Собирается дождь. Но это не в состоянии меня остановить. У меня есть цель, и я не остановлюсь. Господи, да успокоится дождь! Он уже меньше капает! Я теперь могу идти быстрее!

Появляются Тонкий и Толстый.

Т о н к и й. Куда это ты собрался, добрый человек?

И о с и ф. Я иду в Назарет.

Т о н к и й. Какое совпадение! Я тоже отправился в Назарет на заработки.

Т о л с т ы й. И ты — наш первый попугайчик! Как твое имя, друг?

И о с и ф. Мне имя — Иосиф, сын Иакова, я плотник.

Т о н к и й. Плотник? И с какими же инструментами ты собрался работать в Назарете?

И о с и ф. У меня с собой мало инструментов, но там они у меня будут.

Т о л с т ы й. Ничего у тебя там не будет! Отдавай свою сумку!

И о с и ф. Но это моя сумка!

Т о н к и й. Твоя? А тебе не пришло в голову, что она может пригодиться кому-то кроме тебя?

Т о л с т ы й. Например, нам!

Т о н к и й (*вырывает сумку из рук Иосифа*). Ха-ха-ха, у него тут из денег только мелочь, ну что ж, мы возьмем и это, не поскупился Иосиф!

Т о л с т ы й. А инструменты мы продадим, уж мы сумеем на них нажиться! Ха-ха!

К Иосифу подходит пастух Симон.

С и м о н. Эй, кто там!!!

Т о н к и й. Ой, кто-то идет!

Т о л с т ы й. Бежим отсюда!

С и м о н. Убежали, вот...

И о с и ф. Убежали, а ты кто? Воин?

С и м о н. Да нет же, я Симон, простой пастух. Разбойники здесь часто появляются. Но я вижу, ты порядочный человек, помоги мне: несколько моих овец упало в яму, их надо вытащить.

И о с и ф. Что ж, я помогу тебе, у тебя есть веревка?

С и м о н. А как же! Вот она!

И о с и ф. Слушай меня. В землю около ямы воткнешь кол, вокруг него повяжешь веревку. Я спущусь в яму и будут привязывать овец. Ты их тащишь наверх, когда я их всех вытащу, ты поможешь выбраться мне.

Симон (*вбивает кол и вяжет веревку*). Готово! Спускайся!

И о с и ф. Вот первая овца! Я привязал! Тяни!

С и м о н. Отлично! Давай еще!

И о с и ф. Принимай еще одну!

С и м о н. Принял! Дальше!

И о с и ф. Готово! Следующая овца!

С и м о н. Молодец! Там еще одна должна быть!

И о с и ф. Вот и она!

С и м о н. Поздравляю! Ты достал всех овец, теперь вылезай сам. Ты знаешь, без тебя бы я не справился, из Вифлеема в Назарет не всегда ходят такие честные и бескорыстные люди, как ты! Возьми эту овцу в знак моей благодарности. Прими ее. Я не люблю быть в долгу. Ну, мне пора! Прощай, Иосиф!

И о с и ф. До свидания, Симон! Вот, теперь я уже не один, у меня есть овца.

Появляется Мальчик.

М а л ь ч и к. Дяденька, у вас есть хотя бы одна мелкая монета, мы с моей мамой голодаем, нам нужна еда.

И о с и ф. Прости, но у меня еще недавно была мелочь, а теперь у меня самого нет денег, но я могу помочь тебе с мамой. Вот, возьми эту овцу, уверен, она вам пригодится.

М а л ь ч и к. Спасибо, дяденька!

М а т ь. Сынок, откуда у тебя эта овца, уж не ограбил ли ты кого? У нас никогда не было скота, и вдруг... А если она нужна кому-то, а ты ее взял?

И о с и ф. Не ругайте мальчика, я подарил ему овцу, теперь она ваша.

М а т ь. О, это так щедро с вашей стороны. Что вы хотите получить взамен?

И о с и ф. Мне ничего не надо! Я иду в Назарет, и мне пора! До свидания!

М а л ь ч и к. До свидания, дяденька!

М а т ь. До свидания, добрый человек!

Л ж е - Х р и с т о с. О, брат, ты выглядишь очень взволнованно, что случилось?

И о с и ф. Ничего, я просто устал, такой трудной и насыщенной дороги у меня не было никогда!

Л ж е - Х р и с т о с. Ты идешь в Назарет?

И о с и ф. Конечно, ведь это единственная короткая дорога в Назарет, я увижу Спасителя!

Л ж е - Х р и с т о с. Поздравляю, ты уже его увидел!

И о с и ф. Кто он, что я его уже увидел?

Л ж е - Х р и с т о с. Это я, тот кто говорит с тобой, ты веришь, что я — Христос?

А н г е л. Иосиф, зачем ты тратишь время с этим самозванцем? Какой же он Христос? Не думаешь ли ты, что встретить Христа так просто. Тебе придется еще много сделать в Назарете, прежде чем ты... А впрочем, что я тебе все объясняю?

И о с и ф. О, Ангел, я и сам понял, что он — не Христос, он сильно самонадеянно ведет себя для этого, я вовсе не чувствую в нем Бога!

Л ж е - Х р и с т о с. Что молчишь? Не можешь собраться с мыслями? Ты веришь или же нет?

И о с и ф. Я не верю.

Л ж е - Х р и с т о с. Ну и ладно, многие мне не верили, но нашлись те, которые уверовали, и теперь они мои друзья!

И о с и ф. Бедные люди... Как можно считать Христом того, кто вовсе им не является? Что это? Я слышу, кто-то плачет. Что случилось?

П о т е р я в ш а я с я д е в о ч к а. Я потерялась, я играла со своими друзьями и убежала слишком далеко от дома.

И о с и ф. Где же твои друзья?

П о т е р я в ш а я с я д е в о ч к а. Разбежались, мы играли, и я всех потеряла.

И о с и ф. А где ты живешь?

П о т е р я в ш а я с я д е в о ч к а. В Назарете, где он, в какой он стороне?

И о с и ф. Я бы мог показать тебе, но я провожу тебя.

П о т е р я в ш а я с я д е в о ч к а. Никогда больше не буду ходить по этой дороге!

И о с и ф. А у меня такое чувство, что мне еще раз предстоит пройти по ней!

П о т е р я в ш а я с я д е в о ч к а. Спасибо, отсюда я уже сама найду дорогу домой!

И о с и ф. Слава Богу! Вот он — Назарет!

А н г е л. Иосиф! Ты выдержал испытание. Не печалься, здесь ты сможешь построить себе дом и продолжишь работать плотником. Однако я хочу тебя кое с кем познакомить. Видишь девушку около того дерева? Это Мария. Она преданно служит Богу, в этом вы с ней похожи. Подойди к ней, не бойся.

И о с и ф. Но у меня... а если... Ты знаешь...

А н г е л. Ни о чем не думай, просто иди.

И о с и ф. Она просто безупречна! И я уже дошел до Назарета, и мне осталось только подойти и сказать: «Здравствуй!»

М а р и я. Здравствуй, ты так неожиданно тут появился... Ты не местный?

И о с и ф. Я Иосиф, пришел из Вифлеема, чтобы встретить тебя, и еще тут у меня важные дела...

М а р и я. Но от кого ты узнал обо мне?

И о с и ф. От Ангела, видишь, за моей спиной...

М а р и я. Там никого нет!

И о с и ф. Ну, значит, он улетел...

А н г е л. Нет, Иосиф, я еще здесь, но скоро мне придется покинуть тебя ненадолго, знай, я явлюсь к тебе, когда ты будешь в сомнениях и печали или когда у меня появится что-нибудь очень важное, чтобы сказать тебе.

И о с и ф. Я буду ждать!

М а р и я. И я буду ждать!

Галерея

Денис Серков детство провел в г. Усть-Илимске, где закончил детскую художественную школу № 2. С 2000 г. является студентом Иркутского художественного училища. Учится на отделении «Дизайн». Участник выставок «Татьянин день», «Ступени творчества» и других.

АУРА ТВОРЧЕСТВА

Творчество каждого художника идет от состояния его души, от ее наполненности, от степени ее развития и зрелости. Глядя на работы Дениса Серкова, сразу погружаешься в зыбкую, трепетную, трудно передаваемую словами ауру серьезного размышления, переживания, ауру виртуальной реальности подсознательных ощущений и превращений...

Черно-белый мир графики Дениса уходит от ясной четкости предметного материализма и назидательных истин. Здесь истины существуют на уровне высших духовных субстанций, куда устремляются души его персонажей или хотят устремиться и не могут... И остаются между небом и землей, в меланхолическом самоотстранении от всего вещественного и телесного...

Попытка поиска себя... Самоощущение через отстраненность... Мучительность, трагизм и неисчерпаемая сложность бытия. Жизнь как сон... Сон как жизнь...

Психоаналитический подход к расшифровке многозначности графического языка и пространства листа помогает понять внутренний мир молодого художника, его стремление к познанию сокровенного — сути явлений, предметов, человека. К поиску и познанию истин.

*Татьяна Матвеевна Громыко,
художник, педагог,
член СХ России, член СД России,
соучредитель общественной
организации «Созидание»*

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ПРОСТРАНСТВ

Образ мира, складывающийся при знакомстве с графикой Дениса Серкова, достаточно гармоничен, чтобы быть целостным, и достаточно сложен, чтобы быть интересным. Ткань этого мира создает переплетение нитей внутреннего и внешнего пространства, и именно в этом — индивидуальность художника. Мы рискнули бы определить стиль этого мира как поэтику зеркального отражения.

Современное искусство почти не зани-

мается тем, что искусство XIX века обозначало как «объективную реальность». Оно утратило всякое представление о ней. Как говорил выдающийся культуролог и семиотик искусства Ю. М. Лотман, чтобы иметь представление о вещи, надо знать, из чего она сделана, как функционирует и что с ней будет дальше — но ни на один из этих вопросов мы ответить не можем. Поэтому для культуры XX века интерес представляет внутренний мир человека, преломляющий

Денис Серков

«Мысли вслух?»

2001 г.

Из цикла «Мысли вслух наедине с собой»

объективную реальность. Именно эта черта современного миропонимания отражается в творчестве Серкова.

Художественный мир, предстающий перед нами, отличается от классической сюрреалистической модели изображения внутренних составляющих человеческой личности, где упор обычно делается на бессознательное. Для Дениса Серкова характерно соотношение внутреннего и внешнего. Это продолжает ту линию сюрреализма, которая представлена творчеством Рене Магритта и Макса Эшера. Техника, избранная автором (графика), удачно отражает полуреальность изображаемого.

Графическая серия состоит из четырех работ, каждая из которых реализует уже отмеченное пересечение пространств — внешнего и внутреннего. На первой из них («Последний вздох Нарцисса») — девушка и ее состояние. Предметы, казалось бы, относящиеся к объективной реальности, — в действительности лишь проекции ее сознания: оно разрушается изнутри. Засохший цветок в стакане с водой, ветви дерева — «трещины пространства», исчезающая скамейка. Идеальный уровень работы поддержан ее композиционным построением — пустотой левой части рисунка. Центр композиции — девушка, разграничивающая два пространства: одно из них реально существует, но художник не считает нужным его изображать, другое субъективно. Впрочем, возможно, и девушка тоже призрак. «Переплетение пространств», характерное для Дениса Серкова, выражено здесь достаточно просто, что подчеркнуто четким их композиционным разграничением. В дальнейшем оно усложняется.

Знакомясь со следующим листом серии, зритель уже не может так просто разграничить объективное и субъективное, изобразительная ткань не позволяет выдернуть из нее ни одной из этих нитей. Это и становится структурным началом композиции. «Мысли вслух?» демонстрируют два полярных восприятия образа женщины мужским сознанием: один из них вызывает архетипический ужас как порождающе-уничтожающее начало, второй же явно идеален, поэтому и туманен. Стоит отметить, что два эти образа не сливаются воедино, отсюда и дисгармоничность образа воспринимающего мужского сознания.

Еще более усложняется «стилистика зеркальных отражений» в «Пламени игры молодой поэтессы», настолько, что это разрушает целостность изображенного мира и,

соответственно, не способствует пониманию концепции произведения. Реальный план работы составляют приметы быта, преобразованные восприятием: призрачные чашки, стол, покрытый скатертью, окурки, свеча, шахматы. Видимо, преобразован и законный пейзаж: дома-многоэтажки. Во внутреннем мире смыслы этих предметов, развиваясь, прорастают. Городской пейзаж становится морским, многоэтажка превращается в маяк, сигаретный дым — в женское лицо, свеча летит, а шахматные фигуры отражаются в черных и белых фигурах, падающих в море. Причем предметы, получившие развитие, отражают дисгармоничность сознания, которое их так преобразовывает: скатерть превращается в пространство жизни и игры, но игра не состоится, одна фигура повержена, а другая вне игры, на границе клеток. Огонь маяка — не только свет, ориентир в море, но и пламя пожара, разрушение и смерть.

Четвертый рисунок серии, «Механизм мимолетного желания», — самый законченный как идейно, так и технически. Здесь акцентирована прикованность человека к реальности. Для этого использован такой сильный композиционный прием, как внесение в картину чужеродного материала. Спящий ребенок, окруженный образами своего сна, насильственно соединен с реальностью, «прикручен» к ней шурупами, и его единственное, что мешает ему полностью перейти в иное пространство.

Так проявляется конфликт между прекрасной реальностью сна и насильственной действительности. Ужас этого конфликта в том, что действительность проникает в сознание, заставляя его связывать само себя. Два шурупа в ноге ребенка реальны, один иллюзорен, то есть порожден уже не внешним, а внутренним миром. Существенна для понимания «раскадровка» образов птиц, указывающая на внутреннюю конфликтность самого состояния сна (коршун и голубь медленно сближаются и встретятся в голове ребенка), и особенности освещения. Спящий освещен не тем светом, который ему снится. Это свет, проникающий с территории вне сна, и он единственное, что вообще свидетельствует о ее существовании.

Стиль Дениса Серкова можно определить как графический поток сознания — реальный мир, развивающийся и видоизменяющийся в мире внутреннем, окруженный мыслями, эмоциями и ощущениями.

Дарья Сеньковская

Гостиная

Литературно-творческий клуб «Премьера» создан в 1994 г. в г. Иркутске при Дворце детского и юношеского творчества. Основная цель деятельности клуба — поддержка и развитие литературно одаренных детей и подростков. Руководитель — Ольга Васильевна Конторских.

Литературное творчество — это особый мир детства, в котором на протяжении восьми лет живут ребята из литературного клуба «Премьера» Дворца детского и юношеского творчества. Стремление к творчеству присуще каждому человеку. Ребята работают в разных жанрах, но объединяет все произведения одно — стремление показать свое видение окружающего мира и выразить свое отношение к жизни.

Благодаря творческой деятельности дети познают мир, развивают чувство прекрасного, умение понимать и ценить произведения искусства, то есть приобщаются к художественному творчеству. А это, в свою очередь, подготовка к активной творческой жизни в любой сфере человеческой деятельности.

О. В. Конторских

Александра Герусова*школа № 21, 9 класс***СИЛЬНЫЙ ДОЖДЬ**

Топчет дождь сухую траву,
Льет опять на пустые дороги.
Поснимал он с деревьев листву
И бросает ее под ноги.
Не засветит солнце опять,
И в ночи задремлет луна,
Вновь я буду весну вспоминать,
Оставаясь всегда одна.

Наталья Маякова*лицей № 3, 9 класс***ШЕСТЬ**

Шесть дней, знакомое число.
Шесть раз роняла я весло,
Когда в шестой день на Байкале
Меня на лодке отправляли.
Шесть раз со стороны востока
В меня дул ветер не жестоко.
И на холме мой жар остыл,
Он от залива был шестым.
С шести сторон взбешенный ветер
Шесть раз напоминал о лете,
Оно зажгло вечерней мглой
Желанье быть с одним тобой.
Шесть раз я видела комету,
Прощально улыбаясь лету,
Она сгорала в синеве,
Ни разу не упав ко мне.
Шесть месяцев прошло с тех пор,
Как я бродила среди гор,
Шесть раз я солнце провожала,
Шесть раз за лето я страдала.
Шесть у меня тетрадей есть,
В которых все не перечесать...
Как много связано со мной
Одним числом из жизни той,
Что через шесть коротких дней
Сотрется в памяти моей.
Шесть дней осталось до прихода
Ко мне очередного года.

СТЕНА

Где-то, где-то за снегами,
За горами, за домами,
Где-то далеко меж нами
Выросла стена.
Может быть, из слез пролитых,
Может быть, из слов забытых,
Может быть, из чувств нескрытых —
Против нас она.
Чтобы меньше мы мечтали,
Чтобы реже вспоминали,
Чтобы ночью мирно спали,
Чтобы был покой.
Может быть, так раньше было,
Может быть, я позабыла,
Но недавно я открыла
Ежедневник свой.
Вновь там оживает лето,
Вновь душа моя согрета,
И мешает только где-то
Снег стеной.
И его ведь не сломаешь,
Даже если умоляешь,
Даже если оживляешь
Образ твой.
Падать на колени глупо,
Отзовется эхо глухо,
Но не верю в эти слухи,
Боль не причинит вреда.
Потому что не страдаем,
Потому что не скучаем,
Потому что укрепляем
Стену из льда.

МИФЫ ДВОРЦА

Я помню те времена, когда в нынешнем Дворце творчества, а тогда просто особняке купца Второва еще пахло сосновыми досками и свежей краской. «Как давно это было!» — скажете вы. «Как недавно это было!» — скажу я.

Сто пять лет — немного для привидения, даже такого, как я. Вообще-то фамильным привидениям положено жить в одном и том же доме. Но меня подвело чисто женское любопытство: я переехала вместе с хозяевами в новый дом ровно сто пять лет назад.

Какое же это было славное время! В главной зале особняка часто давали балы. На них собирались самые богатые и красивые дамы и кавалеры Иркутска, так сказать, сливки общества. И конечно, самой красивой дамой была хозяйка — жена Второва.

Но спустя год красавица заболела оспой. Страшная болезнь, уносившая в те годы жизни многих людей, пощадила Второву. Но увы, на ее лице остались некрасивые шрамы. Естественно, блистать на балах хозяйка больше не могла. Ее это так огорчало!

Второв решил помочь жене. Он нанял мастера, который искусно выполнил решетку на окне под потолком залы. Хозяйка поднималась в комнату, садилась у окна и смотрела, как проходят балы. Гости, собравшиеся на праздник, видели ее лицо через решетку таким же прекрасным, как и до болезни.

Но ей все равно было грустно, ведь разговаривать было почти не с кем. Однажды она наигрывала на рояле какой-то печальный романс и пела под свой аккомпанемент. Мне так понравилась песня, что я сама начала подпевать хозяйке. Конечно, сначала она испугалась, но со временем привыкла к моему голосу, и мы довольно часто пели вдвоем.

А сколько тайн хранил дворец! Помню, в подвале особняка находились подземные ходы. Один из них вел в памятнику Алек-

сандру III, что близ Ангары, другой — к Кафедральному собору.

Прислуга хозяйки жила в круглой комнате, находящейся в башне на самом чердаке. А забираться туда надо было по винтовой лестнице, до того крутой, что даже у меня кружилась голова, когда я по ней взбиралась.

Славное было время! Жаль только, что продолжалось оно совсем недолго — немногим меньше двадцати лет. Потом в Иркутск пришла революция. Увы, я не знаю, что стало со Второвыми. Они просто исчезли. А я осталась.

В 1937 году особняк был отдан детям и стал называться Дворцом пионеров и октябрят. С этого времени начались преобразования. В одном из залов появился зимний сад и небольшой бассейн, несколько окон заменили цветными витражами, на стенах выложили мозаики. Прежние хозяева Второвы любили дерево. Деревом были обшиты стены, полы. А новые хозяева дворца заменили теплые сосновые доски холодным мрамором. В комнате прислуги теперь жили какие-то непонятные приборы и схемы.

Но что мне не нравилось, так это отношение ко мне. Привидения и домовые были запрещены. «Все это мистика, — заявляли люди, — чушь, ерунда!» Естественно, сдаваться я не собиралась. Я постоянно напоминала людям о себе. То пройду невидимкой по коридору, и люди услышат мои шаги, то шевельну хрусталики люстры, то закрытые двери открою.

А в 1991 году Дворец пионеров переименовали в Дворец детского и юношеского творчества. Конечно, все осталось по-прежнему. Во дворце все так же занимаются творчеством люди — поют, рисуют, играют спектакли, разводят цветы, шьют, вяжут, создают новые модели, пишут стихи, играют на музыкальных инструментах. Но об истории дворца и об имени его прежнего хозяина купца Второва наконец-то заговорили вслух. И это меня очень радует.

Надежда Буторина

Пивоваровская средняя школа

FALLING RAIN

Everything is shining wet
In rain, rain, rain,
It falls with tricking, splashing sounds
Upon the window pane.
Everything looks very grey
In rain, rain, rain,
I love to see it hit the ground
And then bounce up again.

Роберт Бернс

MY HEART'S IN THE HIGHLANDS

My heart's in the Highlands, my heart is not here;
My heart's a-chasing the deer
A-chasing the wild deer and foll'wing the roe;
My heart's in the Highlands wherever I go.
Farewell to the Highlands, farewell to the North,
The birthplace of valour, the country of worth;
Wherever I wander, wherever I rove;
The hills of the Highlands forever I love.
Farewell to the mountains high covered with snow;
Farewell to the straths and green valleys below;
Farewell to the forests and wild-hanging woods;
Farewell to the torrents and loud pouring floods;
My heart's in the Highlands, my heart is not here;
My heart's in the Highlands a-chasing the deer,
A-chasing the wild deer and foll'wing the roe;
My a-hearts in the Highlands wherever I go.

***

Все вокруг сырым-сыро,
В дождик, дождик, дождик,
И дождинки о стекло
Хлопают в ладошки.

Все вокруг мокрым-мокро
В дождик, дождик, дождик.
И с дождинками хочу
Я попрыгать тоже.

***

Душа моя бредит верховьями гор,
Где скачет олень, дик, свободен и скор,
Где чуткие козы привольно бегут
Куда б я ни шел, а душа моя тут.

Прощай, неподкупный мой
северный край.
Ты честь и отвагу с собою мне дай.
Чтоб где бы я ни был, судьбою гоним,
Стремился душой я к распадкам твоим.

Прощайте, вершины под шапкой снегов,
Прощайте, долины зеленых лесов,
Прощайте, стремительные водопады
И эхо ущелий — скитальца отрада.

Душа моя бредит верховьями гор,
Где скачет олень, дик, свободен и скор,
Где чуткие козы привольно бегут,
Куда б я ни шел, а душа моя тут.

РЫЖАЯ

Между деревянными заборами и кучами битых кирпичей пробиралась рыжая собака. Сегодня ей повезло. Одна из продавщиц при разгрузке случайно уронила связку сосисок, и Рыжая успела их схватить и убежать.

Ключья шерсти повисли на хвосте, на боках выдавались ребра, а под животом набухли соски. В подвале старого дома у нее было семь щенков. Она пробралась под забором, прошла сквозь пустырь и залезла в дыру под домом. Из-под груды тряпок раздалось голодное попискивание щенят.

Собака бросила сосиски и стала облизывать щенков. Они жадно начали сосать молоко, и она улеглась, чтобы щенкам было удобнее, и стала ждать, пока они насытятся. Когда щенки уснули, Рыжая съела сосиски.

Следующий день не удался, собака нашла всего лишь остатки еды в куче мусора, но к полудню она вновь побежала к щенкам. На дороге между старым домом и пустырем лежал ее мертвый щенок. Рыжая поскулила над ним, лизнула холодную мордочку, потом толкнула его носом, надеясь разбудить. Щенок не двигался. Она схватила его и понесла в подвал к другим щенкам. Они радостно бросились к матери, но щенок не шевелился.

Наутро мать зарыла сына неподалеку от дома. Весь день прошел в бесплодных поисках еды. Рыжая обежала весь рынок, но ничего подходящего не нашла. Пришлось бежать на городскую свалку.

На свалке было много собак, Рыжая побежала дальше и, добравшись до своего участка, начала рыться в мусоре. Вдруг она услышала глухое рычание. Какая-то приبلудная собачонка забралась на ее участок да еще и ворчала. Рыжая оскалила огромные белые клыки и рыкнула. Этого оказалось достаточно, собачонка, поджав хвост, убежала.

К вечеру она добралась до щенят. Щенки жадно высосали все молоко, и Рыжая, обливав их, улеглась спать.

Прошла неделя, все щенки открыли глаза. В то утро Рыжая, как обычно, пролезла

под забором и, перебежав пустошь, отправилась на рынок. Ее подкормили продавщицы, и, сытая, она побежала домой, но уже у забора почувствовала чужой запах. Собака оскалила зубы и бросилась к щенкам, она уже на дороге услышала щенячий визг.

Рыжая ворвалась в подвал. Какой-то черный пес терзал ее щенков. Она накинулась на него. Черный пес был крупнее Рыжей, но она, не раздумывая, набросилась на него и сомкнула челюсти на его шее. Черный завертелся волчком. Наконец ему удалось сбросить ее. Рыжая вновь и вновь бросалась на Черного. И тот, не выдержав, бросился из подвала. У Рыжей уже не было сил преследовать его, она остановилась над пятью истерзанными щенками и, задрвав голову, протяжно завывала.

Из угла к ее вою присоединился слабый писк. Рыжая пошла туда. Из-под старой коробки на нее смотрел один живой щенок. Он, увидев мать, тут же бросился к ней. Собака облизала его и без сил легла на пол, щенок подбежал, чтобы высосать молоко.

Наутро Рыжая, забрав последнего щенка, отправилась искать другое логово. Им повезло. Примерно к полудню она нашла старый полуразвалившийся сарай. Рыжая положила щенка и обессиленно упала, ее бока были изодраны, и она очень устала.

Собака два дня пролежал, зализывая раны. На третий день она еле добралась до помойки и, немного порывшись, отправилась домой. В сарае рядом с ее щенком полужелал мальчик примерно лет девяти. Он заснул, обняв щенка, и собака не тронула его. К вечеру мальчик проснулся и, увидев Рыжую, улыбнулся.

— Привет, я Андрей. А ты Рыжая!

Он достал из кармана кусок хлеба и протянул его собаке, та съела хлеб и облизала руку мальчика.

Наутро Рыжая проснулась оттого, что Андрей уже встал. Она глухо заворчала. Мальчик взял на руки щенка.

— Пойдем со мной, у меня есть место получше.

Собака зевнула и отправилась за мальчиком. Старый деревянный дом стоял на отшибе, полусгнившие балки и зияющие проемы окон и дверей. Андрей зашел в дом и спустился вниз, за щелью в стене была небольшая кладовка, в углу свалены тряпки. Здесь Андрей положил щенка.

Андрей назвал щенка Мальшом. Щенок был весь рыжий с белым пятном на лбу. Андрей, как и многие из бездомных ребят, сбежал из детского дома и никогда об этом не жалел.

Прошла неделя. Андрей с Мальшом сидели под навесом старого сарая. Увидев

Рыжую, мальчик вскочил и ухватился за полусгнившую, готовую обвалиться перекладину.

— Привет, мы тебя уже заждались!

Почуввав опасность, Рыжая бросила голубя, которого нашла, и бросилась на мальчика. Андрей вместе с щенком отлетел назад. Прогнившая перекладина рухнула, и доски посыпались на Рыжую. Спасенный мальчик подбежал к собаке. Малыш лизал голову матери, а из ее груди с хрипом вырывался свист. По лицу Андрея текли слезы, прочерчивая дорожки на пыльных щеках.

— Прощай, Рыжая.

Щенок, подняв голову, жалобно заскулил. Рыжая была мертва.

Екатерина Козлова живет в г. Иркутске, учится в 10 классе лицея № 3. Основные увлечения — сочинительство, иностранные языки, любимый предмет в школе — литература. Пишет с 10 лет. Автор нескольких повестей и рассказов для детей. Печатается впервые.

Екатерина Козлова

АДЕЛИНА И НЕЛЛИ

Часть 1. Каникулы в деревне

ЗНАКОМСТВО

Привет!

Мое имя Нелли, и я, как и многие другие мальчики и девочки, имею сестру. Мы близняшки. Я считаю, что пока выговоришь ее имя, а ее зовут Аделина, можно сломать язык, и я называю ее просто Дели, а она меня — Нел. Нам пока еще по 12 лет, но очень скоро будет 13. День рождения у нас летом, и обычно мы встречаем его в лагере или дома. Ну, наверное, я очень мало рассказала о себе, вернее, о нас, ведь мы похо-

жи как две капли воды. Наши волосы длинные и светлые, глаза голубые и так далее, но природа одарила нас нумерацией, так как Дели родилась раньше на пять минут, то у нее на правом виске одна родинка, а у меня, наверное потому, что родилась второй, — две. Характеры совершенно одинаковые, мы любим пошалить, как и все озорники. И нередко нас наказывают, но мы не унываем.

В один прекрасный день наши родители предложили нам съездить недельки на две в деревню к тете Лизе. Вот это да! Там ожи-

Мир природы

дают нас двоюродный брат Рома и сестра Аня. Мы их очень любим. А их деревенский домище или мини-коттеджик мы с Дели находим очень даже уютным.

День отъезда был назначен на субботу, и, так же, как и сестра, я очень ждала этого дня.

— Нел, почему, когда хочется, чтобы время летело быстрее, оно едва шевелится?! — спросила меня Дели.

— Ты спроси об этом его! — ответила я.

— Тогда надо чем-то заняться, чтобы время прошло быстрее.

— Ты права, давай пока пересмотрим наш багаж или послушаем какую-нибудь музыку и попоем.

— Давай, — сказала она, и мы принялись за дело.

В общем-то пересмотр багажа занял не более 15 минут, так как наша мама постаралась уложить все самое необходимое в чемоданы, да и вещи-то у нас все одинаковые! Но только мы включили музыку, как подъехал папа и сказал, чтобы все загружались в машину. И вот вещи уже уложены, мы все сели по местам и готовимся к отъезду. Небо голубое, солнце светит очень ярко, поют птички, зеленая листва едва колышется от теплого ласкающего летнего ветерка, и вся природа замерла в ожидании чего-то прекрасного и в то же время загадочного. Наконец-то мы тронулись в путь, затарахтел мотор, и мы поехали. За окнами проносятся красивые летние пейзажи. Не успеваешь наглядеться на один, как тут же появляется другой, еще более торжественный, чем предыдущий. Все было бы отлично, если бы мы с Дели не привязали нашу кошку Китти за хвост к машине, чтобы она не убежала, когда мы отправились всей семьей перекусить в придорожном кафе. А когда после нашего короткого обеда все сели в машину и поехали, то вдруг услышали какие-то странные звуки, похожие на отчаянное мяуканье кошки.

И тут мы с Дели вспомнили, что привязали Китти к машине за хвост и не отвязали. Папа затормозил, и мы побежали на помощь.

Бедняжка, ее шерстка взъерошилась, и она вся была напугана, ведь она спокойно лежала и наслаждалась покоем, когда ее собственный хвост поволок ее неизвестно куда. Мы посадили Китти на лучшее место в машине и оказывали ей всевозможные знаки внимания, что ей пришлось по вкусу. Но вскоре мы приехали.

— Наконец-то! Наконец-то! — закричали мы с Дели в один голос.

И вот мы уже въезжаем в деревню, поворачиваем на знакомую улицу и подъезжаем к дому тети Лизы и дяди Олега.

— Похоже, ничего не изменилось, — радостно сказала я.

— Ну да, — ответила Дели, — посмотри получше.

— Ах, и вправду кое-что изменилось! Что, спросишь ты? А то, что по дворику бегал белый замечательный котенок с бантиком на шее. Мы вышли из машины. Перед нами открылся все тот же очень красивый вид. Белоснежный двухэтажный домик был окружен аккуратно подстриженными деревьями и бархатным газоном с клумбами цветов. Мы прошли по дорожке, выложенной из камней, к дому и позвонили в дверь. Нам открыла Аня. Мы были очень рады ее видеть.

Она тут же позвала тетю Лизу, дядю Олега и Рому.

Тетя Лиза пригласила нас в дом, мы все поужинали, и нас с сестрой повели в нашу комнату. Ах! Там было так красиво! На стены были наклеены белые обои с голубенькими цветочками, по обе стороны от окна и двери, ведущей на балкон, стояло по кровати. Также в комнате находились: два маленьких белых шкафа, в которые мы и положили наши вещи, два столика с полками, а на каждом столе по лампе. Вскоре я и Дели начали раскладывать вещи по своему вкусу. В итоге получилось очень даже ничего, и комната приобрела жилой вид.

Мы еще немного полюбовались результатом и спустились вниз.

— Ну как, девочки, вам понравилась комната? — спросила мама.

— Да, очень, — ответила я.

— А вы уже видели нашего котеночка? — спросила Аня.

— Да, да, — ответили мы.

— И как он вам, понравился?

— Конечно, еще бы!

— Тогда пойдете со мной, я покажу вам его, и вы сможете с ним поиграть, — сказала Аня и повела нас во двор.

Нам даже не пришлось его искать! Потому что для котенка мы были новичками и, повидимому, оказались интересными для него. Он быстро подбежал к нам и, всем показывая свое любопытство, начал обнюхивать нас. Видимо, наш запах пришелся ему по душе, потому что он перевернулся на спинку и замурлыкал, показывая всем свое удовольствие.

Между тем, пока мы играли с котенком, опустились мягкие сиреневые сумерки, и в

домах уже начали зажигать свет. Наш дом был не исключение. Тут домой пришел Рома, у которого правая нога была вся в ссадинах.

— Что с тобой случилось? — спросили мы все с удивлением.

— Да пустяки, упал с велика!

— Надо ездить медленнее, — сказала Дели.

— И не смотреть по сторонам, — добавила я.

ЮНЫЕ ВЕЛОСИПЕДИСТЫ

Следующий день начался прекрасно. Проснувшись, мы с сестрой умылись, позавтракали, поиграли с котенком, затем Рома отозвал нас в сторону и предложил:

— Нелли, Аделина, не хотите покататься на велосипедах? У нас их как раз четыре, правда, у одного сломана педаль, но кто-то кого-то может взять на багажник.

— Классная идея! — одобрили мы.

Решили, что я повезу на багажнике «Салюта» Рому. На «Универсале» поедет Дели, а на «Школьнике» — Аня.

— Поехали с ветерком! — предложил Рома.

— А как это — с «ветерком»? — спросила я.

— Ну, я даже не знаю, как тебе это объяснить. Но хочу предупредить, что эта дорога вся в кочках и ямах, надо ездить осторожно и желательнее на тормозах.

— Чепуха! — перебил Рома, — просто надо держать руль прямо и не глазеть по сторонам, а то перевернешься, или, как мы говорим, перекопытитесь.

— Да уж, лучше, конечно, не перекопоти... не перекопоти... как ты сказал? — переспросила я.

— Перекопытитесь, что ли?

— Да, да, перекопытитесь. Так вот, лучше уж не перекопытиваться, то есть не перекопываться, ой, вернее... В общем, я не хочу перекопытиться, вот, — завершила свою речь я.

— А кто хочет? — спросила с иронией сестра.

Между тем мы подошли к месту, и передо мной открылся ландшафт, состоящий из дачных участков, кустов, а вся дорога была в кочках, камнях и ямах.

— Ну, вот это и называется с «ветерком», — сказала Аня.

— Что с ветерком, ехать или упасть? — тут же спросила Дели.

— Ехать, конечно!

— Лично у меня ассоциация с глаголом «упасть», — вставила я.

— Да ладно вам, — сказал Рома, садясь на багажник, — поехали!

И вот на счет «три» мы помчались по этой дороге. Честно говоря, начало этого путешествия мне понравилось больше, чем конец. Наверное, ты спросишь почему. А вот почему. Как я уже сказала, Рома ехал у меня на багажнике, а если честно признаться, то я никогда в жизни никого не возила на велосипеде. Рома был моим первым пассажиром. Конечно же, он не знал об этом. Сначала-то все было хорошо, мы ехали хотя и по камням, зато руль я держала прямо, но потом... Потом мы выехали на относительно ровную дорогу, покрытую мягким золотистым песочком. И вот на этом-то песочке у меня повело руль, и я на всей скорости врезалась в корягу, имевшую несчастье встретиться на моем пути. Велосипед падал в одну сторону, я в другую, ну а бедный Рома перелетел через багажник и встретился с моей ногой, а вернее, с пяткой. В итоге у него под глазом красовался большой желто-синий синяк, ему, бедняжке, не повезло, так как на мне были надеты босоножки на платформе. Да и я оказалась пострадавшей, у меня на правой ноге тоже был синяк, правда, не такой, как у Ромы, но все равно. Сначала Аня и Дели стояли и сочувствовали нам, а узнав, что я дала пяткой Роме в глаз, расхохотались.

— Да, Дели, теперь у нас есть различие, — сказала я.

— Какое же?

— Мой синяк!

Мы все расхохотались и пошли домой.

После этого прошло дней пять, а ничего такого знаменательного не произошло. Интересно, какой же будет сегодняшний день, если он начался с маленького дождика, а у меня, да и у сестры тоже, плохое настроение.

— Если честно, то день проходит не очень, — вдруг сказала мне Дели.

— Почему?

— Ну как почему. Вчера мы весь день прочитали, и сегодня та же история.

— Да, ты права. Знаешь, у меня идея!

— Какая?

— Ну, я даже не знаю. Надо посоветоваться всем четверым.

— Отлично! Пошли вниз, мне уже не терпится!

— Пошли!

Мы все обдумали и решили съездить в

Мне нрав...

маленькое путешествие, но по нашей традиции ни один взрослый не должен об этом знать. Поэтому тетя Лиза и дядя Олег даже и не подозревали, что мы собираемся ехать до озера, что в соседней деревне под горой (так мы уже решили на нашем совещании, хотя ехать предстояло немало). И вот мы взяли велосипеды и пустились в путь. Но по пути нам встретились Дима и Ира; узнав про нашу затею, они тут же решили ехать с нами, мы были не против. Чем нас больше, тем веселее! И вот по пыльной летней дороге катятся не четыре, а целых шесть велосипедов. Настроение отличное, да и пейзаж ничего: деревенские домики, лесок, яркое солнце, голубое небо, поют птички, — в общем, картина самого обычного летнего пейзажа. Сначала дорога была ровной, но потом... Потом мне даже страшно вспоминать! Представь себе гору высотой... с девятиэтажный дом с просто отвратительной дорогой. Представил? Ну, так вот, мы начали по ней спускаться! Ах, как же меня выручил ручной тормоз на велосипеде! Ведь мы сходили пешком еле-еле, аккуратно-аккуратно, а велосипеды, наоборот, рады были помчаться с этой горы на всей скорости! Но все-таки мы спустились, и не зря! Потому что до озера мы ехали по долгожданному асфальту, это было так классно!

На озере мы наконец-то напились холодной водички и поехали в обратный путь. А вот на обратном пути и начался наш кошмар. С горы-то мы еще кое-как спустились, а вот забраться... Пришлось помогать друг другу. Этот подъем отнял у нас целый час, и мы, уставшие и измученные, пустились дальше. А вот дома-то нас ждал РЕМЕНЬ. Короче говоря, не успели мы приехать, как нас посадили под домашний арест. Оказывается, мы катались не один час, как думали, а целых четыре. Ну и попало же нам!

ПОРА ПРОЩАТЬСЯ

Все когда-то кончается, и вот нашему житию у тети Лизы и дяди Олега наступил конец. И я, и Дели были немного расстроены, ведь так не хотелось уезжать, но что поделать! (К тому же мы жутко соскучились по дому.) Приехали родители, наши вещи уже в машине, и вот-вот наступит та грустная минута расставания, когда у тебя стоят слезы в глазах, так грустно и в то же

время так радостно, что скоро будешь дома, будешь играть с Китти и делать многое, многое другое. Конечно, это не заменит те безмятежные летние дни, но все же...

— Аня, мне будет так тебя не хватать, ведь ты мне почти как родная сестра, — сказала я.

— Что? — вдруг, забыв все, вспыхнула Дели. — Что ты сказала? Как родная сестра, а я? Что я? Ты про меня-то вспомнила? Вообще-то я думала, что я твоя сестра!

— Дели, ты слова не даешь сказать! Вот вечно так! Взяла и все испортила!

— Угу, испортила. А можно узнать, что я испортила?

— Торжественную минуту прощанья! Вот что.

— Ну, ты прямо как по книжке говоришь!

— Да, как по книжке! Зато ты так не умеешь!

— Я? Да ты что! Ведь я — это ты!

— Только внешне.

— А внутренне что, совсем ни капельки?

— Ну почему же, наверное, одна капелька все же есть.

— А ты сказала, что нет.

— Да отстань ты!

— Сама отстань.

— Девочки! Что за разговоры! — вмешалась мама. — Вы уже попрощались?

— Пока еще нет, — в голос сказали мы.

— Так чего ж вы ждете! Давайте быстрее, мы с папой ждем вас в машине! И не забудьте поблагодарить тетю Лизу.

— Ладно, — крикнули мы.

Мы попрощались и сели в машину, а той торжественной минуты не получилось. (А ведь все из-за Дели!) Ну не нахалка ли она? Ведь я столько раз прокручивала у себя в голове сцену прощания. Там были и слезы, и долгое расставание, короче, можно было бы снять целый фильм! А Дели, Дели... У меня просто не хватает слов! Надо будет ей тоже что-нибудь испортить. Хотя... Так хочется во что-нибудь поиграть... придется помириться. И я уже в совершенно другом настроении повернулась к Дели. Но все-таки какая же она вредная! Ух!

«ДЕНЬ ВАРЕНЬЯ» И КУЧА ГОСТЕЙ

День рождения — это особый день. В нем сочетается все самое светлое и хорошее, добро и радость, а также куча улыбок и смеха. Для меня день рождения самый

лучший день в году. Есть три причины, почему я обожаю день рождения.

Первая. Я — центр внимания. Хотя в моей ситуации не я, а мы. Ведь у меня день рождения, и у Дели день рождения тоже. То есть у нас день рождения в один день. Я думаю, что это и так понятно, ну какими бы мы были близняшками, если бы родились в разные дни? Хотя есть такие люди, которые задают просто суперглупые вопросы. Например: «Вы родились в один день?» или «Вы сестры?» Это даже смешно. Мы близняшки, но мы родились в разные дни, или мы близняшки, но не сестры. Полная бессмыслица! Ты так не считаешь?

Вторая. Гора подарков. У меня, то есть у нас с Дели, очень много родственников (за столом человек сорок набирается!), и каждый дарит подарок. Представляешь, как много времени мы тратим после дня рождения, разбирая все это. Но мне это очень даже нравится.

И третья причина, конечно же, сами гости! Ведь без них и для рождения не было бы, и первых двух причин. Если честно, то тут у нас с Дели есть различие, я больше люблю гостей, а она подарки (по крайней мере, это лишь мое мнение).

А сегодняшней мой, то есть наш день рождения начался отлично. Поют птицы, ярко светит солнышко, ни ветерка, а на столе стоят два пакета с подарками для меня и для сестры.

— Дели, Дели, просыпайся!

— Ну что еще? Даже поспать не даешь!

— Наши подарки уже на столе! Давай откроем!

— Что? Подарки? Уже? А чего мы ждем? — вскочив с постели, сказала она.

И мы начали распаковывать каждая свой подарок. Чего там только не было! Альбомы для девочек, рюкзачки, школьные пеналы, ежедневники и огромный-преогромный, красивый-прекрасивый торт! От таких подарков я и Дели были просто в восторге! Да еще плюс ко всему зашли в комнату мама

с папой и занесли к нам большой поднос, где были: корзиночки с печеньем в виде сердечек, мой любимый мармелад, горячий шоколад и булочки с изюмом. Поблагодарив родителей за это просто сказочное утро, мы принялись за уничтожение все того, что находилось на подносе.

Сначала был уничтожен мармелад, затем булочки с изюмом, ну а затем, конечно же, самое вкусное — печенье-сердечки с горячим шоколадом. В конце концов завтраку все же пришел конец, и мы принялись за свои обычные дела, хотя сегодня все было немного необычным. Казалось, что все вещи излучают добро, радость, и от этого мое и так хорошее настроение повысилось.

И вот наконец-то настал тот долгожданный час, час гостей, так называемого мы с сестрой. Почему? А разве так сложно догадаться? Догадался? Ну конечно же, ты прав, мой дорогой читатель! Потому что в этот миг, в этот час, в этот день приходят ГОСТИ.

— Нелли, звонок, открой!

— Сейчас, сейчас! Интересно кто там пришел?

— Дели! Или сюда! Скорей! К нам приехали: тетя Валя, дядя Паша, Галечка и дядя Андрей.

И вот гости начали приходить один за одним. От каждого мы получали поздравления и подарки, а вот под конец пришли самые главные гости для нас — девочки из класса. От них мы тоже получили поздравления и подарки, только нас часто спрашивали, кто из нас я, а кто сестра. Да это и не удивительно!

Сам день рождения прошел просто отлично! Я осталась довольна. Да и вообще, лето проходит замечательно. И у меня есть для тебя новость — мы скоро улетаем в Далянь, это китайский курортный город. Ну а сейчас меня зовет мама, и мне пора заканчивать свой рассказ, но не расстраивайся, скоро я расскажу тебе, как мы отдыхали всей семьей в Китае.

Ну ладно, пока, я побежала.

Мир счастлив

Часть II. Поездка в Далянь

ПОЛЕТ

Ну что? Я же обещала, что мы скоро увидимся, и вот я перед тобой! Если ты, не дай бог, забыл, кто я, то без труда могу напомнить, что я Нелли и у меня есть сестра близняшка — Аделина, а также мама, папа и куча знакомых и друзей. Так вот, сегодня просто самый счастливый день. Я улетаю за границу, точнее, мы улетаем, так как Дели и родители, конечно же, со мной (или я с ними). Сейчас я нахожусь в аэропорту, до полета остается один час. Да, интересно, когда же нас все-таки посадят в самолет?

— Нел, Нел, ау, ты меня слышишь?

— Ну что тебе?

— Ты что, заснула?

— Нет, я думала.

— О чем?

— Все тебе надо знать! О чем хотела, о том и думала!

— Нет, а все-таки.

— Ну ладно, твоя взяла. Я думала о том... почему нас так долго не садят в самолет.

— Так еще рано! К тому же тетя Вероника и Милли не подошли, и еще там какие-то тетя Юля и ее сын Рома.

— Отдыхать с ними — это просто кошмар!

— Не то слово!

— Девочки, что за дикие возгласы? Берите свои вещи, мы отправляемся на посадку!

Я с детства обожаю летать. Нас с Дели с трех лет приучили к самолетам, и за все десять лет, которые уже прошли с этого времени, о полете думаю одно — это здорово, когда ты поднимаешься в воздух! Сверху все такое миниатюрное и очень милое. Но и без недостатков полет не обходится. Ты уже догадался? Конечно, закладывает уши. Но вот прозвучал голос стюардессы, все пристегнули ремни, самолет вывели на взлетную полосу, и пилоты начали переключать моторы.

— Дели, а где родители?

— Они впереди нас.

— А мы что, вдвоем на трех сиденьях?

— А что, не видно?

— Опять ты!

— Тихо! Лучше нам не ссориться, а объединиться. К нам идут Милли и Рома.

— О боже!

Слава богу, что к нам посадили Милли.

Полет прошел просто отлично. Один минус — долго летели! Наконец-то прилетели.

Затем получили багаж, нас посадили в автобус и повезли в отель. Не успели устроиться, как уже стемнело.

— Нелли, Аделина, собирайтесь, мы идем на море, — сообщила нам мама.

— На море? Классно!

И вот мы уже в пути. Сначала наш маршрут лежал через главный вход в отель. Представляешь, все двери сами открываются и закрываются. Конечно, когда идет человек, они открываются, а когда никого нет — закрываются. К тому же они стеклянные, а перед ними положена такая красивая дорожка, что просто страшно наступать на нее, а вернее — жалко, вдруг замараешь! Что-что? Ты со мной не согласен? Не может быть! Подумай сам, тебе разве было бы не жалко топтаться, можно сказать, по произведению искусства? Ага, вот видишь, и ты уже согласен со мной.

Ладно, продолжу свой рассказ. Так вот, мало того, что двери автоматические и стеклянные, а перед ними супердорожка, так еще все это обставлено горшками с экзотическими цветами.

Я, конечно, была бы рада описать тебе весь отель, но я не буду этого делать, иначе ты будешь читать это письмо, пока не поседеешь.

Далее мы пошли по главной улице до пляжа. Она просто необыкновенная! Ты встречал Новый год? Тогда, наверное, поймешь, как выглядит эта улица. Везде сверкают тысячи огоньков, все празднично, все переливается и мигает, повсюду музыка, яркими огнями горят рекламные плакаты, и тысячи гирлянд украшают дома. Именно на такую улицу мы и попали.

Пришли мы на море, темень, а народу... негде яблоку упасть!

Мы все по колено зашли в воду и почувствовали, что она не такая уж и теплая, как мы думали. И тут произошло нечто смешное. Вот, например, почему мы зашли в воду по колено? Не знаешь? А ответ прост: мы не взяли с собой купальных принадлежностей, а в воду зашли, подняв подола сарафанов, а тот, кто в шортах, тот был счастливымчиком. Короче говоря, в воде, а особенно в темноте легко можно подставить ножку, даже нехотя. Мы с Дели так и сделали. В итоге Рома окунулся в воду и весь вымок.

Анжела Кобякова

(Конечно, он упал, где ему было по колению, ведь мы не тираны!) Тетя Юля не знала, кто подставил ножку Роману, да и тот не понял, как упал. В итоге она на него накричала. И представь себе, нам стало даже его жалко, но потом он обрызгал Дели и меня. И тут нашу жалость как рукой сняло! Да это не важно, так как вскоре мы все вымокли до нитки. А знаешь почему? Мы, то есть дети и родители, взялись за руки и начали в воде водить хоровод. И тут совершенно неожиданно для нас на тетю Веронику свалился какой-то китаец. Она не удержалась и упала в воду, а за ней и весь наш дружный хоровод. Я так и покатила со смеху, когда папа вылез из воды с водорослью на голове.

После этого мы сразу же отправились в отель, чуть ли не бегом!

В ЗООПАРКЕ!

В этот день я проснулась в превосходном настроении, да и сестра тоже не пожалела встать с левой ноги. С утра мы засобирались в деляньский зоопарк. Все с нетерпением ждали этого. Еще бы, кому не хочется увидеть животных, которых видел только на картинках или по телевизору?

Вскоре вся наша группа из 13 человек собралась у входа. Но были и другие, тоже хотевшие увидеть зоопарк. Человек 25 набралось, если не больше! А автобус приехал маленький, в него вмещалось лишь 13 человек (как раз наша группа!). Естественно, все дети полезли в автобус первыми, и мы с сестрой не были исключением, но ах уж эти взрослые! Нас просто выпихнули из автобуса! Но кое-что я, по-моему, забыла: а то, что перед приездом автобуса нам купили мороженое, а вернее, замороженный сок зеленого цвета. А жара стояла уж какая! Я думаю, ты знаешь, что такое летний день, жаркий-прежаркий! Так вот, именно такой день был тогда, когда мы решили поехать в зоопарк. И конечно же, ты знаешь, что в такую погоду мороженое тает не по минутам, а по секундам. Тая, наше мороженое образовывало зеленоватый сок. И как раз, когда мы с Дели попытались залезть в этот автобус, меня кто-то пихнул, да это и не удивительно (в такой-то толпе!)... И как ты думаешь, что произошло? А дальше этот зеленоватый сок выплеснулся на белоснежную кофточку гордо восседавшей на переднем сиденье блондинки, которая с презрением глядела на нас. Я попятилась и

пихнула сестру, и у той мороженое само вылетело из стакана и тоже приземлилось на кофточку несчастной блондинки. Ясное дело, ей в этот день не повезло!

Блондинка с бранью отправилась в свой номер оплакивать свою судьбу и менять кофточку. (Хотя она должна была быть нам благодарна, ей эта кофта совсем была не к лицу.)

Конечно же, нам с Дели не поздоровилось.

— Как вы себя ведете! Вы выставляете себя и нашу семью на посмешище! Вы наказаны! — с большим неудовольствием в голосе прикрикнул на нас папа.

Насупившись, как говорит мама, как мыши на крупу, мы стояли и ждали, что же будет дальше. Но нам повезло! Просто-напросто прибыл другой автобус.

И вот мы уже в зоопарке.

Там было очень много животных! Там были и страусы, и тигры-полосатики, и многие, многие другие. И как всегда, мы с Дели успели напакостить.

Проголодавшись, мы, то есть я, сестра, родители, тетя Юля и тетя Вероника, а также Милли и Рома, отправились в кафе, сели за столик и заказали всякой всячины.

Пельмени.

Сок.

Напитки.

Рисовый хлеб (другого не было!).

Рисовые булочки.

Кофе со сливками.

Жареные окорочка.

Картофельное пюре.

Тартинки.

Торт со взбитыми сливками.

Мороженое.

Фрукты.

И еще кое-что. В принципе, я могу продолжать этот список сколько душе угодно, но... Но, как всегда, есть одно НО. Когда мы уничтожили почти всю пищу, нам принесли огромный торт со сливками, о котором уже велась речь. А тем временем папа подносил к столу две вазочки. В одной был, думаю, джем, а другая — с мармеладом. Но я лишь предполагаю, что это было вкусно. Тебе уже не терпится узнать почему? В то время, когда папа направлялся к нам с улыбкой во все 32 зуба, я решила попробовать, долетит ли шкурка от банана до мусорки. Кинув, я убедилась, что не долетела, и когда я уже была готова встать и поднять ее с пола, то, к моему ужасу, папа уже вознес свою ногу над ней... Об этом даже страшно, но и смешно вспоминать! Папа шел со

своей счастливой улыбкой, ничего не подозревая, и вдруг он покатился с бешеной скоростью прямо на стол. Запнувшись, он угодил головой прямо в этот великолепный торт со сливками! После этого мы услышали какие-то звуки, доносящиеся из торта, я сразу поняла, что это относится к нам. Именно к нам, а не ко мне. Ведь запнулся он оттого, что Дели подставила ему ножку. Это она объяснила тем, что будто бы хотела остановить папу, лично я не очень-то в это поверила. А как ты думаешь, куда же делись мармелад и джем? Оказывается, прежде чем угодить в торт, папа выпустил ту и другую вазочки. И все содержимое попало на головы тети Юли и тети Вероники, которые тоже не на шутку разлились. А все китайцы так настороженно посмотрели на нас, как будто мы сбежали из психушки.

Так вот, все смотрели на нас, как на людей, сбежавших из психушки. Ну, представь себе, папа с тортом на голове, тетя Юля с мармеладом, который висел у нее на ушах! А также я забыла про тетю Веронику с джемом на голове. Да и маме, и нам с сестрой, и Милли с Ромой досталось. Мимо нас проходил официант, который нес пиццы. Заглядевшись на нас, он обо что-то запнулся, и пиццы вывалились на нас. День прошел не без приключений. Ну почему все выпадает на нашу долю?

КАК МЫ НАНЕСЛИ УЩЕРБ АКВАПАРКУ

После того дня, как папа искупался в сливках, да и все мы немало пострадали, прошло целых три дня, на удивление спокойных и милых. За эти три дня мы успели многое посмотреть, но ничего такого выдающегося не было, а вот про 15 августа есть что рассказать.

День был хороший, солнечный, и никто даже и не думал, что сегодняшней день — один из тех, которые так выводят папу из себя и которые запоминаются на всю жизнь.

Не будем торопить события, ведь тебе хочется узнать все с самого начала, не так ли?

Итак, день, как я уже говорила, был хороший и солнечный, и мы решили, что именно сегодня мы должны поехать в аквапарк. Что? Ты не знаешь, что такое аквапарк? Ну что ж, попытаюсь объяснить. Это такое место, где находится большой бассейн, в который спускается много-много горок, ехать по которым на полной скорости — просто удовольствие.

Но ближе к делу. Мы приехали в аквапарк и заняли удобный столик. Разместившись поудобнее, мы с Дели, с Милли и с Ромой побежали к бассейну и дружно окунули ноги в теплую, но соленую воду.

День начался просто отлично, мы все дружно во что-то играли, пока родители благоустраивались. Немного поплавав, мы с сестрой с бешеной скоростью побежали к горкам, грозясь сбить с пути первого встречного. На счастье, нам никто не попался. Немного покатавшись, мы заметили, что родители купили кукурузу и даже не пытаются залезть в воду. Естественно, мы подошли к ним.

— Ха-ха, значит, про нас уже забыли? — засмеялась Дели.

— Да, как это так? — поддакнула я.

— Не беспокойтесь, — сказала мама, — вот ваша кукуруза, никто про вас не забыл.

— Ладно, кстати, пап, пошли кататься! Так здорово!

— Да мне что-то не хочется.

— Ну, папа!

— Ой, ладно, пошли.

Мы побежали к бассейну, и папа, нырнув первым, начал изображать бревно. Он лежал на воде, немного приоткрыв рот, и тут случилось нечто ужасное. Дели кинула мне кукурузу, но она всегда кидает косо, и на этот раз кукуруза прилетела не мне в руки, а папе в рот. Мы только и услышали: буль-буль-буль... Но папа был не в том настроении, чтобы ругаться, он лишь что-то проворчал себе под нос и погрозил нам пальцем, а затем отправился к горке. Служащий, который регулировал поток воды, отлучился куда-то. Между тем папа спокойно ехал на животе и вдруг застрял прямо посреди горки, где был трамплинчик. Немного полежав, он понял, что воду никто не пустит, встал на ноги и крикнул смотрителя. Но только он встал, как служащий пустил сильный поток воды, папа не удержался на ногах, споткнулся о трамплинчик, перевернулся в воздухе и приземлился на руки на горку. Но на горке был еще один трамплин и резкий поворот, папа вылетел с горки, и вслед за этим послышалась гора ругательств, которая скоро изменилась на буль-буль. Все поспешили на помощь папе, в том числе и мама, но, споткнувшись, она приземлилась не в бассейн, а в киоск с фруктами. Лицом она угодила в спелые бананы, и вид у нее был не первоклассный, скажу тебе. Мама с папой на минуту отлучились куда-то и сказали, чтобы мы чего-нибудь заказали. Мы

Мне нрав...

с Дели не поскупилась и закатили пир на весь мир. Официант сказал, что счет принесет позже. Тут как раз подоспели папа с мамой и при виде еды немного успокоились. Поев и отдохнув, мы с Дели начали плавать в бассейне наперегонки и вдруг услышали крик.

— Дели! Нелли! Вы потратили 806 юаней на еду?

Ужаснувшись, мы виновато поплыли к бортику, опустив глаза. И тут, когда Дели зачем-то решила отойти в сторону, то запнулась о канат, который был прикреплен одним концом к бассейну, а другим к нашему столу, и вся оставшаяся еда улетила в бассейн. Что куда упало, лучше не вспоминать, только помню, что нам хорошо досталось.

НА ГОРЕ ПТИЦ

В этот день на маме было свежее платье нежно-голубого цвета с мелкими синими цветочками, а также белые босоножки на таком высоком каблуке, что можно было бы дотянуться до верхушки Эйфелевой башни. Вообще-то ты прав, таких каблуков, вернее, туфель с такими каблуками не бывает, но поверь мне, каблук был не из маленьких. А на ее голове с белокурыми локонами сидела белая замечательная шляпка, и не надо забывать про солнечные очки. Ей могла бы позавидовать любая модница. Папа надел белые хлопчатобумажные брюки и нежно-голубую футболку, а также солнечные очки и кепку. Что касается нас с Дели, то мы решили нарядиться одинаково: бело-серые бриджи, голубые футболки плюс солнечные очки и белые шляпки. Ты, наверное, уже подметил, что мы все оделись в нежно-белоголубые тона, и это не случайно.

Во-первых, сегодня мы хотели сделать хорошую семейную фотографию, чтобы потом вставить ее в рамочку и повесить на самое видное место на стене в зале. И папа не хотел, чтобы фотография была пестрой, как будто только из цирка, где мы играли роли клоунов.

А во-вторых, бриджи и футболки — наша самая любимая одежда, и мама думала, что мы не будем лазить по горам в такой одежде, побоимся испачкать ее. Но она глубоко заблуждалась. Лично я ни за что не пропущу такого удовольствия, даже если на мне надета моя самая лучшая одежда. Сестра полностью разделяет мое мнение.

Купив билеты, мы вошли в парк, то есть

на гору птиц. Ах! Сколько там было красивых и экзотических птиц:

Фламинго.

Страусы.

Лебеди.

Пеликаны.

Цапли.

Павлины.

И еще какие-то птицы. Сказать честно, я даже не подозревала, что такие существуют. Насмотревшись на птиц вдоволь, мы подошли к великолепному бассейну. Там плавали лебеди, которых можно было покормить, и еще какие-то птицы, названия которых я, к сожалению, не помню. А рядом стоял двухэтажный домик, на втором этаже которого продавали какие-то диковинные растения, а вернее, семена этих растений. А рядом была огромная клумба с прекраснейшими цветами, росшими по определенному рисунку. Мама очень заинтересовалась ими, но добраться до них было не так-то просто. Кстати, я забыла сказать, что второй этаж был открытым, то есть магазин располагался как бы на крыше. Но почему нельзя было добраться, спросишь ты. Я объясню. На второй этаж можно было попасть только по эскалатору, находившемуся на первом этаже здания. В это время делали ремонт, и первый этаж был закрыт, но магазин цветов не хотел терпеть убытки, ведь цветы — скоропортящийся продукт. Как известно, из любой ситуации можно найти выход. К магазину была приставлена обыкновенная стремянка. Мама долго не могла перебороть себя — лезть в платье, да еще на таких каблучках в общественном и отнюдь не безлюдном месте! Но чего только не сделает женщина, чтобы украсить свой маленький садик. Благополучно забравшись наверх, мама начала выбирать семена. Женщина-продавец сказала, что скоро придет, вернее, объяснила это жестами и пошла в ларек с пряниками. Выбрав, наконец, семена, мама достала деньги и стала ждать, но никто не появлялся. А за нами уже приехал туристический автобус, и все ждали только нас. Мама положила на прилавок деньги и решила спуститься, но стремянка как сквозь землю провалилась. Какой-то рабочий, видимо, решил, что стремянка в таком красивом месте неуместна, и убрал ее.

Поняв, что маме одной не спуститься, папа поспешил на помощь. Он залез повыше и крикнул:

— Прыгай ко мне на руки! Я удержу!

Но папа забыл, что мама имеет не такой

крошечный вес... Об этом неприлично говорить. А дальше как по книге. Мама прыгнула папе на руки, он потерял равновесие, и они вместе с лесенкой (5 ступенек) рухнули в чудеснейшие цветы, в которых позже осталось две вмятины. Пока это все происходило, мы с Дели лазили по горам. Нет, нет, что ты, конечно не затем, чтобы скрыться, а чтобы понаслаждаться жизнью. А ради чего мы сюда приехали, помимо смотрения на птиц! И тут мы снизу услышали крик. Там с очень суровым лицом и помятым видом стоял папа.

ПАРК ТИГРОВ

После того как мы побывали на горе птиц, нам следовало проехать на фуникулере и попасть во вторую половину парка тигров, но мы решили отправиться туда на следующий день. Снова купив билеты, мы, не задерживаясь, поспешили на фуникулер.

День был жаркий, и подниматься по лестницам было просто мучением. К тому же мы с Дели ели мороженое и, как ты уже догадался, наши руки были липкими. Но, преодолев все препятствия и вымыв руки, мы, радостные, сели в фуникулер. Фуникулер — это маленький вагончик, который движется по воздуху, зацепившись за канат. Кататься в таком вагончике просто удовольствие.

Так вот, мы сели в фуникулер: я, сестра и папа с мамой. Китайка, которая обслуживала пассажиров, закрыла за нами дверь, и мы отправились в путь. Если честно, то было страшновато смотреть на город с высоты, зная, что у тебя под ногами вода. Но вот мы коснулись твердой земли. Сначала мы не знали, куда идти, и даже немного растерялись. Перед нами располагались две дороги, и мы выбрали одну из них. Вскоре мы поняли, что наш выбор был неправилен, мы подошли к туалетам. Вернувшись, мы пошли по другой дороге и вышли на площадку. Осмотревшись, мы обрадовались, так как пришли именно туда, куда нам и следовало прийти. Быстро спустившись по длинной-длинной лестнице, мы оказались около дельфинария, а по пути решили зайти в магазинчик. Чего там только не было! И бусы из раковин моллюсков, и бусы из белого и черного жемчуга и из драгоценных камней, и различные ожерелья с серьгами, и красивые-прекрасивые браслеты, и кулончики, и еще многое другое. У нас, то есть у женской половины, появилось дикое

желание все примерить и все купить. Но весь магазин мы не скупили, на нашу долю с Дели выпали лишь два синеньких кулончика. Выйдя на улицу, мы тут же отправились в подводный мир. Там плавали сотни, если даже не тысячи, красивых рыб с причудливыми названиями. Были там акулы, да с таким злобным видом! Посмотрев на рыб, мы отправились из подводного царства в обычное царство, дойдя до длинной очереди. Ждать пришлось немало, пока мы добрались до кассы. Получив билеты, мы с сестрой поспешили занять места поближе. Там высоко из воды выпрыгивал дельфин, морские котики дружно хлопали своими лапами, было очень интересно. И тут вышла женщина и предложила нам с Дели прокатиться на лодке, которую вез морской котик. Мы с радостью вбежали на манеж и прыгнули в лодку. Но морской котик нас вез очень медленно. Тогда я нашла у себя в кармане косточку от чернослива, который я просто обожаю, а Дели в свою очередь нашла фантик от конфеты, свернутый шариком. Мы пульнули это все в котика, и он помчался как бешеный. И мы поплыли лучше, чем на моторке. Дрессировщик не ожидал этого. Остановив котика и высадив нас, не мог понять, в чем причина такого поведения. Но наша мама сразу поняла, что тут замешаны мы, и всю дорогу до отеля так упрекала нас за такое поведение, что мы решили больше никогда не пулять в морских котиков.

ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ У ЯСНОГО СИНЕГО МОРЯ

С утра сияло солнце, и день обещал быть хорошим. Вроде бы везде побывали, а до отъезда как-никак целых два дня. С утра шли «расчеты».

— Мам, мы сегодня куда? — допытывали мы.

— Что значит куда?

— Ну, в смысле куда пойдем.

— Не знаю, надо посоветоваться с папой. Владимир, Вова, Вальдемар, вставай, — нежно обратилась мама к папе.

— Что?

— Куда мы сегодня пойдем?

— Давайте на море.

— Что, целый день? — удивились мы.

— Да, а что? Зато завтра поедем за покупками. Ларисочка, как ты считаешь?

— Не знаю, — протянула мама, — а может, сегодня за покупками, а?

Мир чудес

— Ну, мама, — жалобно протянули мы. В конце концов маму соблазнило яркое солнышко, чисто-голубое небо, зелень, пальмы, золотистый песочек и море без единой волны. И вот мы идем по главной улице, и кого же мы там увидели? Прекраснейшую маленькую зеблочку!

— Ну и симпатяжка же, — сказала я.

— Это ты про кого?

— Да вот, сама погляди!

— Да где? Я ничего не вижу!

— Вот же.

— А что именно?

— Зебра!

— Ой, где?

— У тебя под носом!

— Ой, какая миленькая!

— Слушай, родители еще далеко, побежим к ней!

А дальше мы со всех ног помчались к интересующему нас объекту — зебре. Милашка, она подпустила нас к себе, и мы погладили ее. Но мама с папой, как всегда, подошли не вовремя, и мы продолжили путь к морю. Но еще долго поворачивали головы на это милейшее создание. Но тут нам радостно улыбнулось лазурное ласковое море сквозь зелень пальм, и мы полетели к нему на всех парах.

— Нелли! Дели! — только и услышали мы где-то позади голоса родителей, но не остановились. Скинув с молниеносной скоростью одежду и оставшись в одних купальниках, уже решили войти в море и насладиться жизнью, как услышали взволнованный голос одной китайки. Ее маленький малыш на надувном матрасике уплывал все дальше в море, и никто не рискнул спасти его. Тут мы с Дели переглянулись, быстро нырнули в воду и поплыли за ребенком. Для нас это было раз плюнуть, я разве не сказала тебе, что мы с сестрой занимаем первые места по плаванию? Малыш был спасен, его мама не могла поверить в свое счастье, а потом не знала, как нас отблагодарить. Все ликовали от счастья, а нас поместили на самое лучшее место на пляже, между тем мама все еще отирала холодный пот со лба, впрочем, как и папа.

Мы с Дели, польщенные и немного даже смущенные, не знали, что нам делать. И тут у меня зародилась дикая мысль играть в индейцев. Правила игры были просты, надо было раскрасить лицо сажей, на шею надеть ожерелье из ракушек и бегать, издавая дикие индейские звуки.

Вскоре почти все дети на побережье под-

ключились к этой интересной игре, и по побережью носились не два индейских ребенка, а целое племя. Мы разделились: одно племя возглавляла я, другое — Дели. Мы провоевали до жаркого полуденного солнца, и постепенно всем эта игра стала надоедать. Многие разошлись по домам из-за жары, а мы отправились к морю. Вдруг мы увидели нечто необычное. Море заметно помельчало, на надувных матрасах плавали китайки и собирали что-то со дна, затем раскалывали и ели, да с таким видом, что у нас появилось желание попробовать это лакомство. Нам разбили створку моллюска, и мы увидели содержимое. Первой решилась Дели, затем я. Вкус был действительно очень своеобразный, но есть дальше мы отказались. Вскоре я и Дели по-настоящему начали наслаждаться жизнью.

Мы плавали на надувных матрасах, плескались в воде и всем телом ощущали сладость этих минут.

— Знаешь, Дели, не хочется становиться взрослой.

— Да, я тоже не хочу, но что мы можем с этим поделать?

— А я знаю! Надо взять одного моллюска, завернуть его в кусочек пальмового листа и прошептать волшебные слова: хумба румба, яхта штты, стать взрослой не хочешь ты, шумба румба, румба гу, я те в этом помогу, и надо проглотить моллюска в листе.

— А почему я те в этом помогу, может, я тебе помогу?

— Ты что? Иначе ты моментально вырастешь! И станешь еще старше бабушки. Вот смешно-то будет!

— Нелли, я скажу все правильно!

— Это хорошо. погоди минуту, я сбегаю за пальмовым листом.

Лист оторвать было сложно, и я оторвала лишь кусочек, и быстро вернулась обратно.

— Ну, теперь пора. Где моллюск? Ага, ну давай! — таинственно прошептала я.

Мы взяли по моллюску, завернули в пальмовый лист и начали: хумба румба, яхта штты, стать взрослой не хочешь ты, шумба румба, румба гу, я те в этом помогу.

— Вкус какой-то резиновый, — после некоторого молчания сказала Дели.

— Да, ты права, вкус — резина, но зато эффективно! Подумать только, мы всегда будем такими, как сейчас, всегда будем играть в игры, будем проказничать и многое, многое другое.

— Нел, знаешь, это здорово.

— Конечно! Ведь недаром же мы проде-

лали всю эту церемонию и произнесли заклинание.

— Знаешь, мне что-то жутко захотелось некратинов, а тебе?

— Смотри-ка, а мама с папой время зря не теряют, они купили то, что ты так хочешь.

Когда мы вышли на берег, нас уже ждал

столик с фруктами и апельсиновым соком. Мы все уселись на шезлонги и начали поглощать все, что было на столике. Тут мы с сестрой немного призастихли. Молчание нарушила я.

— А знаешь, Дели, жизнь — это по-настоящему интересная штука!

Мир природы

Страна поэзии

Игорь Клочар

г. Иркутск

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты вела колыбельную песню,
Как желанных ведут под венец,
Для дочурки, и был с вами вместе
Твой любимый, ребенка отец.

Он боролся мерцающим взглядом
За родные приметы вокруг,
Отраженья словесного ряда
И спокойные линии рук...

Песня пала порошей пушистой
Во внимавшее сердце, и сны
Потекли в него музыкой чистой —
Колыбельной слова не важны.

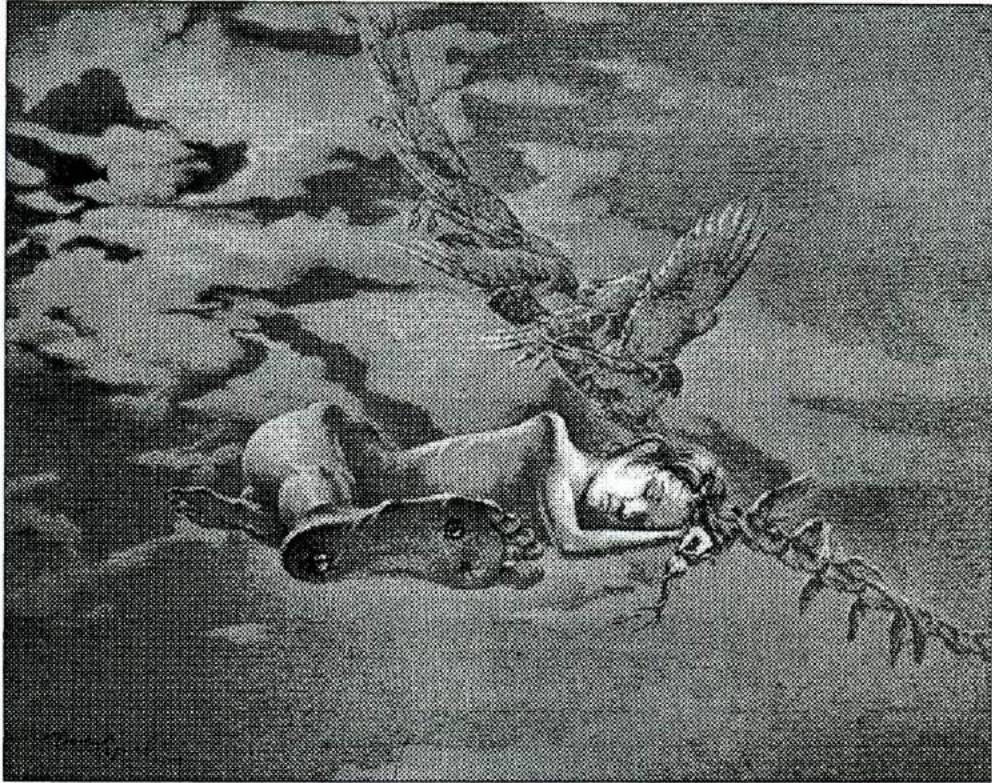
В темноте твоим светом незримым
Убаюканы муж и дитя.
Только звезды мерцают игриво
Вам глазами небесных котят.

ТИШИНА

Ты мне протягиваешь руку
Ладонью вниз... не отрекаюсь
Ни от сумы, ни от тоски.
Большого дома смутны звуки
И ты неясная такая
Во тьме прихожей и строки.

Тебя касаюсь отдаленно —
И губы жжет прикосновенье
Горизонтальной тишины.
Как много лиц непринужденно
Бросали в душу свои тени:
Сейчас тобой отстранены.

Ты подарила мне уменье
Молчать о том, что наболело,
Кому чужая боль нужна?
С годами чище вдохновенье,
Все независимей от тела,
И нам привычней — тишина.

Денис Серков

«Механизм мимолетного желания»

2001 г.

Из цикла «Мысли вслух наедине с собой»

* * *

Чужие окна обнаженные
Изгоям кажутся теплом.
Шепните, губы напряженные,
Что губ иных мы не найдем.

Лишь отраженья суетливые
Пьют чай за стеклами зимы.
В себя уходят молчаливые
Глаза идущих среди тьмы.

И все понятнее становится
Никчемность этого тепла.
И, в соответствии с поговоркой,
Мы в лес глядим из-за стола.

Алла Авдеева

г. Иркутск

* * *

Льется водица в распадке,
Камушки катятся гулко.
Воздух пьянящий и сладкий,
Вновь расцветает багульник.

Где-то в Саянских горах
Снег оседает и тает.

Синяя сон-трава
Венчики раскрывает.

Снежный развеялся сон.
Прочь по лугам и долинам.

Дальний окутался склон
Розовым дымом.

Золотом заводь зажглась,
Бьется поток белокрылый.

Лиственниц нежные иглы,
Стланика — хризопраз.

Солнце — над Белой рекой,
Пчелы торопятся в ульи.

В сердце — любовь и покой.
Вновь расцветает багульник.

АРХИТЕКТУРА

Улица сжата в свистящую щель.
В зданьях — презренье и вызов.

Преследуя небо,
возносятся в цель

Ритмы балконов, карнизов.

ВЕРИШЬ МНЕ, ВЕТЕР?

Верю тебе, ветер? Я слушала тайну,
Мне стены немые про все рассказали,
Мечтать и летать скоро я перестану,
И буду идти без тоски и печали.

Верю тебе, ветер? Я видела звезды,
Их белые лица мне в стекла глядели,
Еще время есть, а может быть, поздно,
Но больно мне сделать они не хотели.

Верю тебе, ветер? Я чувствую небо,
Я слышу невнятные звуки рассвета,
Я верю, что будет, я верю, но мне бы,
Немного любви и доверия света.

ОПОЗДАЛА НА ЗАКАТ

Опоздала на закат
И луну недоглядела,
Кто же в этом виноват,
Что понять я не хотела,
Отчего болит душа,
Когда чувствуешь свободу
И заходишь не спеша
Целиком в ночную воду.
Опоздала на закат
И луну недоглядела,
Кто же в этом виноват,
Что узнать я не сумела,
Почему не спит страна,
Когда ночь ресницы сводит,
И зачем нужна война,
Что людей с земли уводит?
Опоздала на закат
И луну недоглядела,
Кто же в этом виноват,
Что понять я не хотела...

Татьяна Иванова

*с. Манзурка Качугского р-на,
средняя школа, 8 класс*

КОРОВА

С утра суета и одна дребедень:
теленоч, корова — и так целый день.
Измучившись, думаю снова и снова:
«О, где пропадаешь ты, наша корова?»
Корова вернется — ее подои,
теленоч проснется — его напои.
А после играй.
Будет весело снова!
Но помни, что дома
тоскует корова...

Виктория Лю-Шин-Шин

г. Иркутск, школа № 53, 6 класс

ВЕСНА

На сухих ветвях деревьев
Набухают почки.
А из почек распустились
Клейкие листочки.
Там на дереве, в гнезде,
Воронят качая,
Ворон песенку поет,
Деток усыпляя.
«Спите, детки, кар-кар-кар!» —
Он поет им песню.
А детишкам — не до сна,
Спать неинтересно.
В гости к ним пришла весна,
Столько разных звуков!
Вот летит, жужжит пчела,
Промелькнула муха.
Бабочка взлетела ввысь,
Крыльями порхая.
Птицы, радуясь весне,
Песни распевают.
Столько запахов, цветов,
Света, ярких красок.
Я люблю тебя, весна,
Как же ты прекрасна!

Сиренка поет

ПОДАРОК

Отогрелись от зимы деревья:
Тополя, осинки и березы.
Набухают почки постепенно,
Прочь умчались лютые морозы.

По-весеннему смеется солнце,
Посылает утром в гости лучик.
Он сказал мне: «Кто с весной дружит,
Тот подарок от нее получит!»

А в подарок мне весна отправит —
Рыжие, забавные веснушки,
Ручейков веселое журчанье,
Пенье птиц у леса на опушке.

ВЕСЕННИЙ СНЕГОПАД

Все улицы заснежены,
Вернулась вновь зима,
А снег летит и кружится,
Ликует детвора!

Прохожие ругаются:
«Уже пришла весна,
Повсюду были лужицы,
Кругом текла вода!»

Ну что же тут поделаешь,
Случилась вдруг беда.
Поднялся ветер северный,
Качая провода.

Весна зиме prospopила,
Но это — ерунда!
Придет на помощь солнышко,
Растопит глыбы льда.

И снова зачирикает
От счастья воробей:
«Весна, весна, пожалуйста,
Вернись, вернись скорей!»

ОСЕННИЙ МАСКАРАД

Каждую осень листья меняют
Яркий зеленый наряд.
Их приглашает осень
В парк на бал-маскарад.

Выкрашен золотом листик кленовый,
В оранжевых платях осинки стоят,
А на рябине — красные бусы,
Словно капельки крови, горят.

Подружки-березки сменили прически,
Тополь в костюме нарядном пришел.
Даже акация в пестреньком платьице
На маскарад прибежала бегом.

Кружатся в танце яркие листья,
Кружатся, им не до сна.
Может, у них этот танец последний:
Скоро наступит зима.

Климентий Олзоев

с. Бантай Аларского р-на, 7 класс

* * *

Коль выпадет доля в родительский дом
Вернуться с военных дорог,
Из счастья, расцветшего в сердце моем,
Сплету я для мира венок.

Я в нашем саду разведу виноград.
Цветы посажу под окном.
Чтоб счастьем наполнился матери взгляд,
Весельем наполнился дом.

Коль выпадет доля — на отчий порог
Вернуться, пройдя сквозь войну,
Я мир принесу вам с далеких дорог.
Мечту и надежду верну.

Татьяна Якубовская

с. Аларь, средняя школа, 10 класс

* * *

Как выплеснуть на белый лист бумаги
Из сердца, где кипит прибой любви,
Те щеки — полыхающие маки
Или глаза счастливые твои?
Не помню, что друг другу мы шептали —
Какой-то глупый, детский бред.
Но мы друг друга, помнишь, понимали
И верили, что слов прекрасней нет!

Стихотворения

Золотой фонд

Александр Валентинович Вампилову исполнилось бы в этом году 65 лет. Он родился 19 августа 1937 года. В поселке Кутулик, который он считал своей малой родиной, уже третье десятилетие работает музей, носящий его имя. С 1955 по 1960 год Вампилов учился в Иркутском государственном университете на историко-филологическом факультете, окончив который, работал в редакции газеты «Советская молодежь». Именно в эти годы он написал все свои очерки, фельетоны, рассказы и первые пьесы. Они печатались в газетах и альманахе «Ангара». В 1961 году вышла первая небольшая книга его рассказов «Стечение обстоятельств» под псевдонимом А. Санин.

Лишь 10 лет творческой жизни было отпущено Александру Вампилову. Еще при жизни увидел он первые премьеры спектаклей по своим пьесам «Прощание в июне» и «Старший сын».

Пришедшая к нему слава оказалась посмертной. 17 августа 1972 года Александр трагически погиб на Байкале — перевернулась лодка, сердце не выдержало, не доплыл до берега.

Сегодня пьесы Вампилова идут в сотнях театров России, ближнего и дальнего зарубежья. Все они изданы и прокомментированы. «Его герои волнуют, тревожат удивительным сходством с нами, хотя прошло уже несколько десятилетий и мы изменились до неузнаваемости», — написал о Вампилове в своей статье «Классик XX века» Александр Калягин.

Сегодня мы предлагаем читателю один из ранних, юношеских рассказов Вампилова.

Александр Вампилов

(1937 – 1972)

ФИНСКИЙ НОЖ И ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ

Переполненный, раздираемый распрями автобус остановился, наконец, там, где высаживается большая часть пассажиров. Все отдыхающие солнечным летним воскресеньем за городом знают, сколько дерзости, сколько грубой энергии нужно для того, чтобы уехать к месту отдыха на автобусе. Но вот из автобуса выходят смущенные влюбленные, выходят семьи, счастье которых, казалось, могло быть омрачено лишь поездкой за город на автобусе, и небольшие группы приятелей-сослуживцев, приехавших сюда выпить и закусить. Гражданин лет девятнадцати сошел последним, но сделал он это не из вежливости, а случай-

но. Зато никто не мог бы отказать ему в красоте.

Лицо мужественное, но со следами каких-то происшествий и слишком дерзким взглядом. Одет с неподдельной небрежностью, что полностью гармонирует с его свободными манерами и развязной походкой. Вид самый независимый, но в то же время заметно, что этот человек постоянно ждет чего-то нехорошего. И действительно, он постоянно должен подозревать, опасаться, быть начеку. Этого требует его нервная профессия. Своей профессией он обязан исключительным стечением жизненных обстоятельств и редкому воспитанию.

Пяти лет он лишился обоих родителей и был усыновлен дядей. Одиноким дядя принял племянника неохотно. Одиночество больше всего ему подходило при его образе жизни и способах приобретения средств для этой жизни. У него, например, всегда были основания внезапно покинуть насиженное место с тем, чтобы не возвращаться туда даже за своими вещами. Впрочем, вещи эти не были его собственностью, а попадали в его руки без ведома их настоящих владельцев. Он вел пьяное существование, и уважать его можно было только за преклонный возраст. К своей свободе относился ревниво, но в конце концов так скомпрометировал себя перед обществом, что мог жить только далеко, в суровом малозаселенном краю. К несчастью, этот дядя имел педагогическую жилку. Личным примером и непосредственными поучениями он воспитывал племянника по своему подобию.

Конечно, люди вырвали бы восприимчивого мальчика из лап этого воспитателя, но мальчик в силу исключительных способностей, которые в нем открыл и развил дядя, успел угодить уже в детскую трудовую колонию, откуда несколько раз бежал. Растянув эти побег до совершеннолетия, он попал на два года в тюрьму и вышел оттуда опытным и энергичным нарушителем законности.

Разумеется, он не был счастливым. У этого человека могли быть удачи, но не могло быть счастья. Чем больше он задумывался над своей жизнью, тем чаще ему казалось, что он не любит свою профессию. Он стал замечать, что ворует и грабит безо всякого увлечения, без любви к делу. К честным людям стал приглядываться с завистью и раздражением. Особенно раздражали его студенты. Ему уже девятнадцать лет, а его жизненная перспектива тянулась длинной вереницей бутылок и упиралась во что-то темное и безнадежное. Деньги между тем имели для него цену лишь тогда, когда их у него не было. Последнее время у него не было денег.

Воровать он не любил — ему больше нравилось грабить. Ограбив кого-нибудь, он получал сознание того, что он сильнее ограбленного, каким бы честным и умным ни был последний. И все-таки ограбленному он завидовал, и, может быть, для него быть счастливым значило быть честным. Но он считал честную жизнь чем-то в высшей степени ему не свойственным и не подходящим. Тело у него было исписано эпитафиями и лирическими откровениями, которые

должны были свидетельствовать о душевной обреченности и безнадежности.

Было воскресенье, граждане ехали за город отдохнуть, но его каторжная профессия, как видно, и не предполагала выходных дней.

В одном месте лес с городом соединял запущенный сад, который когда-то окружал чью-то дачу и был огорожен. Теперь забора не было, сад зарос, но остался садом, потому что там попадались акации, черемуха, сирень и кусты непривитых яблонь.

Поглощенный мрачными грабительскими мыслями, молодой человек незаметно для себя очутился в самом глухом уголке сада, где попадалась еще не истерзанная любителями живых цветов сирень. Уголок этот благоухал. Но из молодого человека формировался уже алкоголик, так что запахи он чувствовал смутно. Равнодушно взглянув на пышный куст персидской сирени, он уже хотел повернуть назад, как вдруг заметил по ту сторону куста белое платье.

«Снять часики», — пришла ему в голову привычная мысль.

Оленька Белянина любила одиночество. Этот заброшенный сад привлекал ее всем: и тем, что он заброшен, и тишиной, и запахами, и еще многим, что находила в этом саду она одна. Забравшись в заросли, она читала писателей-романистов, любила Тургенева, и в ней самой было очарование Лизы Калигиной. Оленька прошла тихим ровным путем через школьные классы в студенческую аудиторию. Юность ее светла и спокойна, и все неожиданности были у ней впереди. Это была нежная, чуткая, отлично воспитанная девушка, и трудней всего она воспринимала какие-либо отклонения от нормального. Мысль быть ограбленной никогда не приходила ей в голову.

Молодой человек между тем подошел, остановился в двух шагах и стал ориентироваться. Часы ему понравились с первого взгляда, но их владельца он нашел униженно беспомощным.

«Сразу же отдаст и будет плакать», — подумал он.

— Который час? — спросил он, вкладывая в свою интонацию большую дозу грабительского сарказма, за которым слышится, что хозяину часов, не имеющему высокоразвитого чувства времени, предоставляется возможность ответить на этот вопрос в последний раз. Но этот зловещий вопрос, который настораживал, приводил в растерянность, заставлял трусить всякого, кому он задавал его наедине, на Олень-

ку Белянину не произвел никакого впечатления. Это показалось ему странным. Между прочим, у Оленьки была та наружность, мимо которой нельзя пройти без зависти или без любопытства, и молодой человек неясно осознал, что ему было бы неприятно иметь такого голубоглазого врага.

— Без десяти пять, — любезно ответила она.

— Врут ваши часы, — решительно сказал молодой человек. — Снимайте их, будем чинить.

И он сделал к ней шаг, но только шаг. Его остановил ее взгляд. В глазах ограбленных им людей он привык видеть страх, осуждение, презрение. Но девушка смотрела на него весело и с любопытством. Это было ново и неожиданно и так не предусмотрено практикой, что молодой человек растерялся.

— Вы что — странствующий агент часовой мастерской? — спросила она, улыбнувшись.

— Да, я... странствующий... — пробормотал он и неловко опустился на траву.

Они молчали. Оленька с интересом продолжала его разглядывать. Этот молодой человек выглядел несколько необычно. Следы каких-то происшествий на лице придавали ему в ее глазах романтический оттенок.

— Неужели вы не нашли другого повода, чтобы заговорить со мной? — сказала она, продолжая улыбаться, и он понял, наконец, что предложение снять часы она принимает за шутку, а его считает честным человеком, и вдруг почувствовал себя во власти какого-то сложного непонятого состояния, которое делало его попытку снять часы у этой девушки попыткой страшно нелепой и несостоятельной. Она что-то говорила, что-то спрашивала, но прошла минута, прежде чем он стал понимать ее и отвечать на ее вопросы. Непосредственность была природной чертой Оленьки Беляниной. И они разговорились. Это был обычный для двух незнакомых молодых людей, разговор, который состоит из шуток и отгадывания имен и рода занятий собеседни-

ков. Разумеется, этот разговор не мог быть для молодого человека приятным.

Что Оленька студентка, стало известно быстро и легко. А он...

— И уж, конечно, вы не артист, — гадала Оленька. — Вы только что так грубо и так неталантливо пытались изобразить разбойника.

— Разбойника... — повторил он, — вы видели его когда-нибудь?

— Не видела, — самоуверенно отвечала она, — но представляю его лучше, чем вы.

Он взглянул ей в глаза и улыбнулся. Может быть, потому, что в жизни ему приходилось редко улыбаться и невинная улыбка хорошо сохранилась у него с малых лет, у грабителя оказалась детская улыбка.

Было это трогательно, как грустная любовь веселого юмориста, и Оленьку такая улыбка не могла не взволновать. Кроме того, она смутно почувствовала, что где-то близко около этого разговора бьется самое важное, самое сокровенное в этом человеке. Они отвели глаза, и оба, каждый по-своему, смутились.

— Какая это книга? — нарушил он паузу и протянул за лежавшей у ее ног книгой свою руку. Обшлаг рубахи скользнул к плечу, и тут Оленька увидела на его руке непринужденно начертанную каким-то опальным художником Венеру и одну из эпитафий — яркую грубую татуировку.

— Что это? — улыбка мгновенно улетучилась с ее лица.

— А это, — сказал молодой человек чужим голосом, — наколка. Я, между прочим, разбойник и есть.

В горле пересохло, а ему захотелось вдруг говорить и говорить...

Он взглянул ей в глаза. В них были страх, осуждение, презрение.

— Вам нужны часы? — проговорила она сухо. Он молчал. Через несколько мгновений послышался шелест травы под ее ногами. Шла она или бежала, он не видел. Он сидел на земле, опустив голову и беспомощно, как подраненная ворона крылья, расставив руки.